

Элли Ван Хаутен

СУПЕР ВОРОВКИ

Загар, обман и бриллианты

Элли Хаутен

Суперворовки: Загар, Обман и Бриллианты

<https://litres.ru/74571068>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая часть серии «Суперворовки»

Пэм Честерфилд собиралась провести неделю у моря, а не объяснять полиции, почему женщина на записи так подозрительно на неё похожа.

Во второй части «Суперворовок» Пэм и её лучшая подруга Дженни Стоун отправляются на дорогой курорт с простым планом: отдыхать, тратить собственные деньги и держать руки подальше от чужих ценностей. Но уже на второй день из гостиничного хранилища исчезает драгоценная подвеска. На камере — светлые волосы, цветочная накидка и почти знакомое лицо. А в прошлом Пэм есть кое-что, о чём подозреваемой лучше бы не рассказывать.

Чтобы найти настоящего вора, Дженни выдаёт себя за богатую наследницу и входит в круг коллекционеров, закрытых ужинов и частных сделок. Только выдуманный капитал очень быстро обрастает настоящими ожиданиями.

Море, роскошный отель, чужие секреты и две женщины, которым опасно доверять даже спокойную прогулку. Отпуск они оплатили честно. Теперь осталось доказать, что чужое украшение к нему не прилагалось.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	81
Глава третья	153
Конец ознакомительного фрагмента.	206

Элли Ван Хаутен

Суперворовки: Загар,

Обман и Бриллианты

Элли Ван Хаутен

Суперворовки: Загар, обман и бриллианты

Вторая книга

Глава первая

Первое, что я сделала, получив право на новую жизнь, — засунула рукав в работающий тостер.

Не целиком. Я всё-таки успела кое-чему научиться. Например, при виде дыма больше не говорила, что это ароматическая свеча.

— Пэм, — сказала Дженни.

— Уже достаю.

— Сначала выключи.

Я выключила. Из тостера вылез хлеб, похожий на улику после пожара, а из меня — очень скромный набор выражений для человека, которого только что попыталась сожрать бытовая техника.

Дженни отодвинула мою тарелку.

— Этот выбрось.

— У него просто трудное детство.

— У тебя тоже. Но тебя я в тостер не засовываю.

Я посмотрела на неё.

Она посмотрела на рукав.

На ткани осталось светло-коричневое пятно. У всех нормальных женщин есть одежда для дома, для работы и для отдыха. У меня — одежда до происшествия и после. Эта кофта перешла во вторую категорию ещё до завтрака.

Был четверг. С моего развода прошло шесть недель, и за

всё это время никто ни разу не потребовал, чтобы я изображала беременную. На верхней полке шкафа лежала большая застёгнутая сумка. В ней спокойно старел живот, который успел прожить более насыщенную жизнь, чем некоторые мои органы.

Иногда я проверяла, не завёлся ли там кто-нибудь. Всё-таки мы с Дженни умели из любой вещи сделать жильё для проблем.

Теперь главным жильцом нашей кухни стал ноутбук.

Дженни открывала его ещё до кофе. Смотрела помещения для магазина, считала аренду, писала поставщикам. Родительские продуктовые магазины существовали прекрасно и без её вмешательства, но подруга хотела свой. И, судя по количеству открытых вкладок, хотела сразу в двадцати семи местах.

Я положила рядом с её рукой нормальный тост.

— Куда сегодня переселяются твои дорогие резиновые жители?

— Никуда. Я отказалась от помещения на Хилл-лейн.

— Там ведь было большое окно.

— И маленький пункт в договоре, по которому ремонт крыши оплачивала я.

— Крышу можно продавать отдельно. Объяснить покупателю, что это очень масштабная игрушка.

Дженни закрыла вкладку.

— Ты сегодня у Мэгги?

— В десять. Она нашла коробку с ёлочными украшениями.

— Уже?

— Она их не нашла к празднику. Сейчас мы выясним, где были последние три года. Возможно, работали на государство.

Подруга улыбнулась, но так, словно оставила для улыбки только полпроцента от утреннего бюджета.

Я села напротив.

— Что?

— Ничего.

— Ты сказала «ничего» лицом бухгалтера, который только что нашёл в кассе мой палец.

Она потёрла переносицу.

— Я устала выбирать.

Я впервые слышала, чтобы она устала выбирать.

На холодильнике висела фотография моря. Её прислали вместе с рекламой курорта. Я прикрепила картинку магнитом, потому что на ней было много синего, а на нашем холодильнике — много моих записок про сыр.

Дженни повернула голову.

— Поехали.

Я проследила за её взглядом.

— За сыром? Там ещё есть.

— На море.

— Сейчас?

— Через неделю. Или через десять дней. Я посмотрю билеты.

Я перестала жевать.

Это неприятное ощущение. Будто организм понимает: сейчас у него начнётся новая работа, и даже хлеб старается не мешать.

— Ты предлагаешь отпуск?

— Да.

— Нам?

— Пэм, если бы я предлагала отпуск тостеру, я бы смотрела на него.

— Он тоже пережил тяжёлое утро.

Дженни повернула ко мне ноутбук.

На экране был отель, перед которым кто-то, видимо, вылил весь мировой запас бассейнов. Белые террасы спускались к бухте, между ними росли пальмы, а по дорожке шла женщина в длинном платье, ни разу не задевшая ступню подолом. Естественно, фотография была постановочной. Так не ходят без помощи медицинского персонала.

Отель назывался «Лазурная корона».

Я прочитала название вслух.

— Звучит как заболевание монарха.

— Посмотри номера.

— Мне уже страшно смотреть цену.

— Сначала номера.

В номере была кровать такого размера, что на одной поло-

вине можно спать, а на другой — начать отдельную семью и не заметить. Балкон смотрел на море. В ванной лежало пять свёрнутых полотенец. На нашем полотенце иногда сушилась моя рабочая футболка, и оно выглядело как обессиленный заложник.

— Это точно не картинка из журнала для людей, которым разрешено жить?

— Семь ночей. Завтраки и ужины включены. Есть обычные номера. Нам не нужна вилла.

— Я думала, вилла идёт к полотенцам.

Она открыла календарь.

Отдохнуть мне хотелось. Так хотелось, что я даже не стала сразу перечислять причины, по которым ничего не получится.

Часть полученных за комбинацию денег ещё лежала на моём счёте. Но у этой части появились соседи: расходы на адвоката, возмещение по вазе, ежедневные платежи за мою новую, чудовищно прожорливую порядочность. Я делила домашние траты с Дженни и понемногу откладывала зарплату. Слово «зарплата» до сих пор нравилось мне больше, когда его произносили перед переводом.

У Мэгги я работала дважды в неделю. В ресторане брала короткие смены у Луизы. Никто не обещал построить мне дворец за правильное поведение. Я была взрослая женщина с контейнером для обеда и мозолью от перчаток.

— Я не могу просто исчезнуть, — сказала я.

— Ты можешь заранее договориться.

— А если им понадобится разобрать всё именно в эти дни?

— Тогда выберем другие.

Дженни сказала это спокойно. Без напоминания, что ещё недавно я могла исчезнуть с чужой сумкой за полторы секунды.

От этого стало труднее спорить.

Я взяла хлеб.

— Сколько?

Она показала.

Я опустила хлеб.

— Мы покупаем номер или отель целиком?

— Это на двоих. С перелётом и трансфером. Есть ещё один вариант, дешевле, но там ремонт возле пляжа.

— Я умею отдыхать возле ремонта. У меня для этого знакомый мужчина есть.

При упоминании Джошуа подруга улыбнулась уже нормально.

Мы встречались. Иногда пили кофе, иногда гуляли, однажды сходили в кино, где я почти два часа сидела смирно и всего один раз пролила на себя напиток. Для меня это считалось романтическим достижением. Джошуа не пытался ускорить события, а я старалась не заполнять каждую паузу подробностями своего морального восстановления.

Особенно когда под ногтем ещё вчерашняя краска.

— Ты ему сказала? — спросила Дженни.

— Что он умеет ремонтировать отдых?

— Что хочешь уехать.

— Я ещё минуту назад сама не знала.

— Тогда узнавай быстрее. Мне хочется смотреть на что-нибудь, что не надо измерять.

Она снова открыла море.

Я вдруг заметила, как близко придвинула к себе экран. Будто можно было согреться от фотографии.

— Мы действительно просто поедем? — спросила я.

— Да.

— Без поручений, родственников и шкафов?

— Если там будет шкаф, ты можешь им пользоваться по назначению.

— Мне непривычно.

— Научишься.

Я посмотрела на обгоревший рукав.

Для начала следовало научиться пользоваться тостером по назначению. Но море выглядело гораздо убедительнее.

К вечеру отпуск стал настоящим.

Не море. Пока ещё всё это состояло из согласованных смен, электронных писем и цифр, после которых мой банковский счёт заметно похудел. Мне бы такой способ.

Луиза сказала, что подменит меня через свою знакомую, если я закрою две смены до отъезда. Мэгги попроси-

ла не бросать коробку с украшениями посреди коридора. Она вообще относилась к моему отсутствию гораздо спокойнее, чем я. Возможно, видела в этом возможность наконец остаться наедине с собственными вещами.

— Семь дней? — уточнила она, переворачивая прозрачный шар с маленьким домиком внутри.

— Семь ночей. Дни, видимо, дают бесплатно.

— Передай Дженни, пусть не оставляет тебя возле стеклянных столов.

— Вы произносите это как рабочую характеристику.

— Я могла бы написать.

Я помогла ей поставить коробку на нижнюю полку. Из кармана моего фартука торчала ёлочная лошадь. Мэгги указала на неё.

— Эта тоже туда.

— Я думала, она уже выбрала новую хозяйку.

— Сначала спроси.

Я вынула лошадь, отдала и совершенно не почувствовала себя героиней. Просто человеком, которому напомнили про карман. Это было даже приятно.

На обратном пути я встретила с Джошуа у пекарни. Он пришёл после работы с белой полоской пыли на рукаве. Я сообщила, что теперь мы можем появляться вместе: мой гардероб весь такой.

Мы купили кофе, каждый себе. Я рассказала о поездке, показала бухту на фотографии. Он не спросил, с каки-

ми мужчинами собираюсь знакомиться, не предложил ехать вместо Дженни. Пришлось пить кофе как нормальному человеку.

— Будешь присылать фотографии? — спросил он.

— Если на них будет что-то, кроме моего колена.

— Колено тоже подойдёт.

Я отвела глаза.

В пекарне мужчина за соседним столом разрезал булочку ножом. Так тщательно, словно собирался передать обе половины по завещанию. Я с завистью смотрела на его контроль над жизнью.

— Что? — спросил Джошуа.

— Ничего. Просто я не привыкла, что можно уехать и потом вернуться туда же.

Он некоторое время молчал.

— Ты же вернёшься.

— Да.

— Тогда увидимся после.

Очень простая фраза.

Я почувствовала, как у меня напряглось горло. Внутри сидела маленькая голодная дура, которая ожидала, что за любое хорошее предложение сейчас попросят расписаться кровью. Её пришлось успокоить булочкой.

Мы прошлись до перекрёстка. Он рассказал про заказчика, который хотел перенести раковину, не меняя труб. Я сказала, что сама всю жизнь пыталась примерно это сделать.

На прощание Джошуа поцеловал меня. Недолго, без свидетелей из нашей семейной истории, если не считать моего браслета, который снова зацепился за его рукав.

— Простите, — сказала я браслету. — Вы слишком быстро знакомитесь.

Джошуа осторожно освободил застёжку.

Папа починил её хорошо. Но аксессуар всё равно решил, что моей личной жизни нужен дополнительный крючок.

Дома Дженни уже ждала с бронью.

— Осталось подтвердить.

— Я согласна.

Она подняла голову.

— Правда?

— Нет, я просто тренируюсь произносить эту фразу до следующего замужества.

— Пэм.

— Правда. Подтверждай.

Она нажала кнопку.

Так выглядело начало приключения двух взрослых женщин, которые честно заплатили за собственные неприятности.

Об этом, конечно, в подтверждении не писали.

Там было: «Благодарим за выбор».

За три дня до вылета я поняла, почему богатые люди часто кажутся спокойными. У них есть кто-то, кто собирает чемо-

даны.

Мне никто не помогал, потому что Дженни уже помогала второй час и потеряла право называться «никто» после того, как извлекла из моей обуви два старых ресторанных чека и кусок салфетки.

— Зачем тебе это? — спросила она.

— Я не собиралась брать. Оно жило там раньше меня.

— Здесь чек на кофе.

— Значит, успело поработать.

Чемодан лежал на полу с таким видом, словно его вскрыли для установления причины смерти.

Я решила взять всё, что было достаточно приличным. Поэтому он наполнился быстро, хотя вещей оказалось мало: половину места заняли мои надежды, вторую — обувь, в которой эти надежды уже ломали ноги.

— Каблуки не бери, — сказала Дженни.

— Это хорошие туфли.

— У одной отклеивается подошва.

— Там не видно, если правильно наступать.

— Ты неправильно наступаешь даже босиком.

Я забрала туфли у неё из рук и поставила рядом со шкафом.

Подруга подняла лёгкое светлое платье, которое я купила на честно заработанные деньги. Оно было красивым, но очень требовательным к тому, что носило внутри.

Я примерила его вчера. В зеркале возникла женщина, го-

товая пойти на праздник и немедленно потребовать отдельный стул.

— Это возьми, — сказала Дженни.

— В нём нельзя есть после шести.

— Оно не знает времени.

— Зато знает мои рёбра.

Она положила платье ровно.

Я села на кровать.

В дверях стояла сумка с животом. Мы достали её с полки, чтобы добраться до моей дорожной сумки, а теперь накладка молча присутствовала при сборе.

Я смотрела на молнию.

Дженни тоже.

— Нет, — сказала она.

— Я ещё ничего не говорила.

— У тебя лицо.

— Оно всегда со мной.

— Пэм, не берём.

Я подняла ладони.

— Я и не собиралась. Просто странно. Раньше без него я из дома почти не выходила. Теперь он не нужен даже в аэропорту.

Дженни некоторое время молчала.

Потом взяла сумку и вернула на верхнюю полку.

— Пусть побудет дома.

— Ты говоришь как мать подростка.

— Этот подросток достаточно гулял.

Мы засмеялись.

Я действительно не собиралась брать накладку. Её отсутствие стало таким же пунктом списка, как паспорт и зарядка. Только остальные пункты я проверяла руками, а этот — глазами.

Мама привезла мне тонкую шляпу. Сразу предупредила: от солнца. Иначе я могла принять её за неудачный таз.

Она приехала просто увидеть меня перед поездкой. Папа ждал в машине. Мы обе немного помолчали, привыкая к встрече, из которой не обязательно делать трудный разговор.

Мама посмотрела на платье. Я напряглась.

— Хороший цвет, — сказала она.

Я выдохнула. Не всё, что кажется будущей бедой, обязательно ею становится.

После её отъезда Дженни открыла свою косметичку.

— Нам понадобится солнцезащитный крем.

— Я взяла.

— Где?

Я показала тюбик.

Она прочитала.

— Это после загара.

— Значит, на шаг впереди.

Дженни отправилась в ванную за нормальным средством.

Я снова залезла в чемодан и вынула маленькую коробочку с подаренной мамой булавкой. Я положила её туда утром,

чтобы было что надеть вечером. Теперь смотрела на тёмный камень и понимала, что отпуск не должен стать экзаменом для семейного украшения.

Старая застёжка требовала ремонта. Мама предупредила. Я до сих пор не отнесла её мастеру, потому что у меня и без того было множество вещей, которым хотелось получить отдельную профессию.

— Эту оставлю, — сказала я, когда подруга вернулась.

— Боишься потерять?

— Я умею терять даже вещи, которые лежат.

Положила коробочку в ящик. Браслет решила носить: с ним было надёжнее, и я уже привыкла ощущать на запястье его вес.

Дженни присела на корточки возле чемодана и протянула мне две тонкие бумажные бирки.

— Имя, телефон. На обе сумки.

— Чтобы вернуть меня, если потеряюсь?

— Тебя легче найти по звуку.

Я написала фамилию.

Памела Честерфилд.

Без чужих имён. Без выдуманной сотрудницы агентства. Без будущего младенца, которому я когда-то подбирала характер в зависимости от ситуации.

Так было даже скучно.

Я показала подруге бирку.

— Смотри. Впервые оформляю документ на собственную

сумку.

— Главное, чтобы она прилетела туда же, куда мы.

— Не надо сразу требовать от семьи идеального.

Дженни засмеялась и застегнула чемодан.

Молния сошлась.

Это следовало отметить отдельным сертификатом.

В день вылета чемодан попытался остаться дома.

Не в знак протеста. Колесо зацепилось за коврик у двери, я потянула сильнее, коврик пошёл следом, а Дженни стояла на лестнице и наблюдала, как я вывожу на прогулку кусок интерьера.

— Ты можешь просто поднять.

— Я заплатила за колёса. Они должны отрабатывать.

Она вернулась, освободила коврик и подняла чемодан за боковую ручку.

Я взяла свою сумку и оглянулась.

На столе лежали две чашки. Окно было закрыто. Тостер мы выключили из розетки. Я проверила дважды, потому что в последние дни у нас установились отношения на грани покушения.

Дом выглядел обычным.

— Пэм, — позвала Дженни.

— Иду.

Закрывая дверь, я вдруг испугалась, что вернусь и всё снова будет иначе. Так уже случалось. Уезжаешь от родителей,

думая, что они станут ждать, приезжаешь — на месте детства живёт чей-то дорогой забор.

Теперь за дверью были мои вещи. Дженни. Нормальная работа, которая не исчезнет, если никто не принесёт новую вазу.

Я повернула ключ и положила его в отдельный карман.

Очень хотелось проверить ещё раз.

Но подруга уже вызвала лифт.

В машине нас встретил водитель с таким бодрым голосом, что мой организм немедленно заподозрил доплату.

— В отпуск?

— Нет, — сказала я. — На плановое обслуживание.

Он засмеялся. Дженни назвала терминал.

Я сидела, прижимая сумку к коленям, и пыталась понять, куда девать руки человеку, которому не нужно постоянно поправлять ремень живота.

Оказалось, ими можно держать кофе.

Кофе я купила в аэропорту, и первые пять минут всё шло прекрасно. Потом стакан попытался утечь через крышку. Я остановила его ладонью и получила ожог, который был слишком маленьким для героизма, но достаточно большим, чтобы страдать.

— Я уже начала отдыхать, — сообщила я Дженни.

— Вытри.

Она дала салфетку.

На стойке у меня спросили, сама ли я собирала сумку.

— Под наблюдением, — честно ответила я.

Дженни закрыла глаза.

— Да. Собственные вещи, — уточнила я и почувствовала, что объяснение становится хуже.

Дженни положила мой паспорт на стойку.

Сотрудница улыбнулась и попросила поставить чемодан на ленту.

Он весил меньше разрешённого.

Я едва не заплакала от счастья. Хотелось, чтобы кто-нибудь ещё взвесил меня и тоже сказал: «Проходите, всё в порядке».

Бирка прилепилась к ручке. Чемодан уехал, не попрощавшись. На досмотре я сняла шляпу, ремень и браслет. Положила в лоток. Следом туда отправился пакет с бутербродом.

— Еду отдельно, — сказал сотрудник.

— Мы с ней связаны.

Он указал на соседний лоток.

Я разделила семью.

Когда прошла рамку, Дженни уже собирала вещи. У меня из сумки торчала зарядка, похожая на вынутый нерв.

— Пэм, твой браслет.

Я вернулась к лотку.

Рядом стояла молодая женщина в бежевом жакете. У неё была узкая сумка, аккуратная папка и такое лицо, словно даже её неприятности подписывали договор заранее. Она протягивала сотруднику маленький прозрачный пакет.

— Здесь всё, что было в карманах?

— Здесь всё, что у меня осталось от надежды быстро пройти, — сказала она.

Я засмеялась.

Женщина обернулась.

— Зарядку не забудьте.

— Это у меня хвост. Я с ним всегда.

Она улыбнулась и пошла дальше.

У выхода к рейсу оказалась та же женщина. Она сидела у окна и писала на телефоне. Вблизи я заметила, что волосы у неё темнее моих, а над верхней губой маленькая родинка. Походить на меня ей мешало всё остальное: прямая спина, спокойные руки и отсутствие кофе на штанах.

Дженни купила воду.

Я купила булочку, потому что бутерброд уже пережил слишком много самостоятельности.

Мы сели напротив экрана.

— Никаких дел, — сказала подруга.

— Я согласна.

— Никаких подработок.

— Даже если мне предложат мыть миллион?

Она посмотрела на меня.

— Шучу. Молчу. Ем.

— И не рассказываем случайным людям всю свою жизнь.

— Они могут не успеть на рейс.

— Пэм.

Я кивнула.

На самом деле это было хорошее правило. Всё-таки я знала, как легко чужая любезность становится входной дверью. Но в аэропорту вокруг нас были обычные люди, уставшие ещё до поездки. Никто не хотел моих секретов. Всем требовались розетки.

Женщина в жакете пересела к нам: возле её кресла не работала розетка. Она представилась Норой Вейл. Мы тоже называли имена. Нора летела на Сан-Марель по работе, помогать с частным мероприятием, и очень надеялась успеть отдохнуть. Пока её телефон думал иначе.

На экране началась посадка. Она отключила телефон, убрала папку и проверила узкий карман сумки. Потом ещё раз, осторожно, будто там лежало что-то хрупкое.

— Работа уже волнуется, — пояснила она, заметив мой взгляд.

Я понимала работу, которая волнуется. Моя обычно начинала звонить, если я опаздывала на семь минут.

Нора ушла первой. Её посадочный был в бумажном чехле, и я вдруг почувствовала, что тоже хочу бумажный чехол. Хотя ещё неделю назад могла считать это предметом для людей, которые покупают отдельную одежду своим документам.

— Ты не сказала про развод, — заметила Дженни.

— Дай ей дойти до самолёта. Она заслужила шанс.

Подруга сунула мне в руку паспорт.

— Держи. Наш выход.

Я поднялась и придавила булочку сумкой.

Если бы свежесть еды проверяли на границе, нас бы никуда не пустили.

В самолёте мне досталось место возле окна. Я радовалась, пока не выяснилось, что для выхода нужно переместить двух человек и свою совесть.

Дженни сидела посередине. У прохода устроился мужчина в рубашке с крошечными якорями. Вся его верхняя половина выглядела как порт. Он сразу достал маску для сна и сказал, что попросит нас разбудить его перед едой.

— Вы уверены? — спросила я. — Я могу не выдержать до вашего пробуждения.

Он посмотрел на булочку у меня в руке и засмеялся.

— Не забудете.

Мы пристегнулись.

Я давно летала, но всё равно не доверяла ремню, который должен был удерживать человека от встречи с небом. Он выглядел менее надёжным, чем мой старый пояс для накладки. Правда, тот пережил казино, а об этом ремне я ничего не знала.

Дженни облокотилась на кресло.

Впервые за последние дни она не смотрела в экран.

— Не проверяешь помещение? — спросила я.

— Выключила.

— Совсем?

— До посадки.

— Я горжусь твоим маленьким сроком.

Она улыбнулась и закрыла глаза.

Когда самолёт пошёл по полосе, я сжала подлокотник.

Мужчина в якорях уже спал. Я позавидовала.

На взлёте из моего рта вырвался звук, который можно было принять за тихую молитву, если не знать слов.

Дженни открыла один глаз.

— Всё нормально.

— Я вижу. Земля просто почему-то удаляется.

Внизу город превращался в маленькие квадраты. Дороги были тонкими, чужие неприятности — совсем невидимыми. Если бы можно было жить на этой высоте, я бы лучше относилась к людям. Никто не наступал мне на ноги и не объяснял, что я должна с ними сделать.

Дженни снова закрыла глаза.

Через некоторое время я услышала, как она тихо выдохнула, и повернулась.

Подруга спала.

С открытым ртом. Очень маленьким, приличным, но открытым. Я почувствовала нежность такого масштаба, что даже не сфотографировала. В мире, где тебе постоянно надо быть собранной, возможность спать некрасиво должна считаться отдельной услугой.

Телефон молчал. Я достала его, написала в заметках: «Мы летим. Дженни спит. Я пока держусь за самолёт» — и убрала

до посадки.

Принесли еду.

Я толкнула мужчину в якорях.

Он мгновенно проснулся.

— Уже?

— Да. Я дала вам честный шанс.

Он поблагодарил.

Дженни ещё спала, и я спросила у стюардессы, можно ли оставить её поднос на минуту. Та ответила, что подойдёт позже.

Я стала есть.

Всё было маленьким. Хлеб. Масло. Пластиковая вилка. Как будто перед вылетом у пассажиров временно уменьшали внутренние органы, но меня забыли включить в список.

Когда я открыла пакет с салфеткой, уголок вилки зацепил крышку стакана. Вода пошла мне на колени.

Мужчина быстро поднял свой поднос.

Дженни проснулась.

— Что?

— Я познакомилась с климатом заранее.

Она потрогала мокрое пятно и вздохнула.

Стюардесса принесла ещё салфетки. Я извинилась. Убрала сама. Ни разу не сказала, что у меня ребёнок толкнулся, и испытала странную гордость за такую нелепую вещь.

Подруга получила еду.

Мы сидели над маленькими коробочками и смотрели, как

солнце ложится на верх облаков.

— Знаешь, — сказала Дженни, — я хотела этого ещё раньше.

— Чего?

— Уехать с тобой. Куда-нибудь, где нас никто не знает.

— Очень практичное требование.

— Я серьёзно.

Я положила вилку.

Она покрутила крышку бутылки.

— Когда мы были маленькими, я представляла, что мы станем взрослыми и будем сами решать. Поедем на неделю. Выберем гостиницу. Будем лежать у моря, а потом рассказывать, как нам надоело.

— Море должно серьёзно постараться, чтобы мне надоест.

— Тогда ты уехала. И всё как-то...

Она не закончила.

Я знала, что было дальше. Пять лет. Мои редкие сообщения, её нормальные ответы, которые я воспринимала как доказательство, что без меня всё прекрасно. Иногда людям достаточно не услышать чужой жалобы, чтобы вообразить чужое счастье.

— Теперь едем, — сказала я.

— Да.

— И я уже несу отпуску первые убытки.

Она засмеялась, глядя на мокрые брюки.

Я взяла у неё пустую крышку, которую она продолжала крутить, и положила на поднос.

— Будет хорошо, — сказала я.

Заявление было безответственным.

Но мне хотелось попробовать.

Когда мы начали снижаться, море появилось под нами сразу целиком. Синее, огромное, с белыми черточками лодок. Ни одного шкафа. Ни одной знакомой улицы, где можно встретить человека, которому когда-то соврала.

Я прижалась ближе к окну.

— Джен.

Она наклонилась.

Несколько секунд мы смотрели молча.

Мужчина в якорях попросил показать ему тоже.

Я чуть отодвинулась.

Он вздохнул с таким удовольствием, что мне стало легче. Оказывается, люди умеют одинаково радоваться воде, даже когда никто её на себя не проливал.

После посадки я отправила Джошуа записку. Он ответил: «Отпусти самолёт. Он нужен другим». Я улыбнулась и обнаружила, что держу ручку чужого рюкзака. Мужчина в якорях осторожно освободил его. Дженни увела меня в проход, пока я не начала объяснять происхождение рефлекса.

Тепло встретило меня в дверях аэропорта и сразу попыталось обнять всем телом.

Я остановилась.

— Мне нравится.

— Ты ещё не дошла до машины, — сказала Дженни.

— Не требуй от отношений проверки временем.

На улице пахло горячим камнем, чем-то сладким и бензином. Пальмы стояли вдоль дороги так уверенно, словно знали, как именно должны выглядеть. Я завидовала даже растениям.

Наши чемоданы прилетели. Оба. Я узнала свой по бирке и по свежей чёрной полосе на боку. Он тоже начал новую жизнь с технического повреждения.

Возле выхода нас ждал молодой мужчина с табличкой «Лазурная корона».

— Мисс Стоун? Мисс Честерфилд?

Я кивнула.

— Если сумки не возражают.

Он протянул руку.

— Лео. До отеля сорок минут.

Чемодан уехал за ним очень легко. Видимо, с правильными мужчинами у вещей всё получается лучше.

В машине уже сидела Нора. Без жакета, с бутылкой воды в руке.

— Отдых уже начался? — спросила она.

— Мне выдали жару. Я пока не понимаю, где сдавать.

Она засмеялась.

— Тоже «Корона»?

— Да, — сказала Дженни.

Нора положила папку к себе на колени, уступая нам место. На её обложке была маленькая наклейка с серебристой раковиной. Под ней — название «Морроу».

Я заметила потому, что раковины нравились мне больше фамилий.

Машина тронулась.

Лео включил тихую музыку, а сам перечислил пляжи, рынки и местную крепость. Потом спросил, нужна ли нам остановка купить воды.

Дженни показала бутылку.

Я показала свою, совершенно пустую.

Лео протянул из переднего отделения ещё одну.

— Включено.

Очень хорошее слово. Его следовало произносить людям чаще. Особенно мне.

Дорога шла вдоль побережья. За окном мелькали небольшие дома с закрытыми ставнями, магазинчики, люди в лёгкой одежде. Один мужчина нёс две огромные дыни и выглядел счастливым человеком с понятным будущим.

Нора переписывалась.

Телефон вибрировал раз в минуту, а её лицо постепенно возвращалось к рабочей аккуратности.

— Вы можете выключить, — посоветовала я. — Дженни умеет. На три часа.

— Жду, что доставку подтвердят. Если выключу, будут

звонить Лео.

Лео улыбнулся в зеркале.

— Уже звонили.

Нора подняла голову.

— Кто?

— Ваш коллега. Спрашивал, приехали ли вы.

— Он может спросить меня.

— Я так и сказал.

Она посмотрела на телефон и набрала короткое сообщение.

Я повернулась к окну.

Дженни тихо ткнула меня коленом.

Это значило: не начинай расспрашивать.

Я и не собиралась. Мне были доступны сорок минут видов, за которые не нужно платить отдельно, и я хотела освоить всю услугу.

ОТЕЛЬ появился за поворотом.

Я сразу поняла: на фотографиях его уменьшали, чтобы богатство помещалось в экран.

Террасы спускались к морю широкими белыми ступенями. Возле входа росло дерево с густыми розовыми цветами. Над стеклянными дверями висела металлическая корона, и было видно, что её регулярно моют. Я восторгалась и мысленно считала деньги.

Лео остановился под навесом.

К машине подошёл сотрудник в светлой форме. Взял че-

моданы, спросил имена. Я немедленно потянулась за своей сумкой.

— Эту сама, — сказала я.

— Конечно, мадам.

Мадам.

Я едва не обернулась, чтобы посмотреть, кого он заметил за мной.

Дженни выбралась из машины и огляделась. У неё на лице появилось такое детское удовольствие, что я перестала думать о чаевых.

— Ну? — спросила она.

— Сдавай меня на обслуживание.

В холле было прохладно и тихо. Не по-домашнему тихо: там тишину, видимо, поддерживали специально обученные люди. В центре стояла большая ваза с цветами.

Я остановилась перед ней.

Дженни взяла меня за локоть.

— Проходи.

— Я просто сравниваю.

— Не надо.

— Эта тяжелее.

— Пэм.

Мы подошли к стойке.

Нора ушла к столу с маленькой табличкой «Частные мероприятия». Оттуда поднялся высокий мужчина в тёмных брюках и рубашке без единой складки. Он встретил её не

объятием, а протянутой ладонью к папке.

Она папку не отдала.

Они начали говорить тихо.

Я отвернулась. Дженни уже показывала бронь сотруднице.

Та представилась Селией, проверила документы и предложила холодные полотенца.

На маленьком подносе лежали два белых рулончика.

Я взяла один.

Он был влажный, пах лимоном и стоил, наверное, больше моего утра.

— Для рук и лица, — мягко пояснила Селия.

— Спасибо.

Я приложила к щеке. Решила не рассказывать, что на секунду подумала про закуску. В красивых местах слишком много съедобного выглядит как интерьер, а интерьер — как съедобное. Людям с моим аппетитом трудно сохранять статус.

Селия достала карту отеля.

Показала ресторан, бассейны, лестницу к пляжу и небольшой павильон возле старого сада.

— Основной ужин с половины седьмого. На террасе можно обедать по меню. По вашей программе включены завтрак и ужин, напитки вне списка оплачиваются отдельно. На закрытые мероприятия доступ по приглашениям.

Я кивала на еду.

Дженни — на маршруты.

— В субботу здесь будет ужин фонда «Открытый берег»,
— добавила Селия. — Часть галереи вечером закроют. Для гостей отеля устроим концерт у бассейна, чтобы это не мешало вашему отдыху.

— Хорошо, — сказала подруга.

— У нас есть номер с видом на сад, как в вашей брони. Но сегодня освободился номер в восточном крыле, с частичным видом на бухту. Он без доплаты, если вам подходит.

Я повернулась к Дженни.

— Бухта решила нас усыновить.

Она улыбнулась.

— Подходит.

Селия уточнила, что в восточном крыле коридор ведёт к боковой лестнице и вечером там иногда слышны приготовления в галерее. Но номер находится на следующем этаже, подальше от площадки.

Дженни посмотрела на схему.

— Мы можем сначала увидеть?

Я хотела сказать: давай уже жить, нас пустили. Но промолчала. Подруга не собиралась соглашаться из благодарности за красивое слово, и это, возможно, было полезно для нашего здоровья.

Селия позвала сотрудника.

— Оливер покажет.

Нора в этот момент сказала своему коллеге громче:

— Тогда пусть подпишут получение после проверки. Мне

нужен полный список.

Мужчина бросил короткий взгляд в нашу сторону.

Я занялась полотенцем.

У меня уже имелась прекрасная история с людьми, которым хотелось подписать что-нибудь до проверки. Вторую я не заказывала.

Оливер взял карту и повёл нас к лифту.

Наши чемоданы катились по каменному полу с приятным звуком. Мой выглядел не хуже чужих. Если смотреть изда- лека и не знать биографию.

— Здесь у нас можно записаться на прогулку по бухте, — рассказывал Оливер. — Стойка экскурсий открывается в девять.

— А есть прогулка, где не надо рано вставать? — спросила я.

— Вечерняя.

— Отлично. Я пока поддерживаю любые мероприятия после обеда.

В лифте я увидела себя в трёх зеркалах сразу.

Это было нечестно.

Мне и с одной Пэм иногда трудно договариваться.

Светлые волосы выбились из-под шляпы, рубашка помя- лась, брюки после самолёта высохли и оставили на колене маленькую карту своего происхождения.

Оливер нажал кнопку четвёртого этажа.

— Номер четыреста восемнадцать.

Я повторила.

— Четыреста восемнадцать. Наш новый почтовый индекс счастья.

Дженни толкнула меня плечом.

Лифт открылся в длинный коридор. С одной стороны шли двери, с другой — высокие узкие окна во внутренний двор. Возле поворота висела картина с лодкой. Под ней стоял низкий столик с ракушками в стеклянной чаше.

Я посмотрела на чашу.

Дженни тоже посмотрела на меня.

— Я ничего не трогаю.

Оливер приложил карту к замку.

Дверь открылась.

В номере было светло.

Не дорогой белизной, на которой сразу видно, что ты существуешь, а мягким светом с балкона. Две отдельные кровати, маленький диван, стол, шкаф. Пэм Честерфилд влезла внутрь вместе со всеми остатками приличия и не зацепилась ни за что.

Между домами внизу действительно виднелось море.

У меня заболело лицо от улыбки.

Дженни вышла на балкон.

Я — следом.

Там стояли два кресла и столик. Дальний бассейн мерцал сквозь листья. На нижней террасе женщина лежала на шезлонге и никуда не торопилась.

Мы с подружкой посмотрели друг на друга.

— Берём? — спросила она.

— Я уже пустила корни.

Оливер показал кондиционер, шкаф и маленький сейф.

— Если захотите пользоваться, инструкция внутри. При любых затруднениях обращайтесь на стойку.

Я уставилась на дверцу.

Он заметил.

— Обычно проблем не возникает.

— У меня с этими предметами сложные отношения.

Дженни быстро сказала:

— Нам всё подходит. Спасибо.

Оливер оставил две карты, объяснил телефон и ушёл, пообещав прислать багаж.

Мы закрыли дверь.

Несколько секунд стояли молча.

Я сняла шляпу, положила на стол и подняла руки.

— Мы дошли.

Дженни засмеялась.

Потом вдруг подошла и обняла меня.

Я успела подумать, что у неё на кофте потное пятно и оно сейчас встретится с моим. И сразу стало хорошо.

Дорогой отель не отменял нашей способности оставаться двумя уставшими женщинами после самолёта.

— Спасибо, что поехала, — сказала она.

— Я люблю море, еду и тебя. Статистически это был хо-

роший выбор.

— В таком порядке?

— Порядок меняется в зависимости от времени суток.

Она отпустила меня.

Я подошла к кровати и села.

Матрас мягко принял мою личность.

— Джен.

— Что?

— Я не уверена, что смогу потом уйти.

Она бросила свою сумку на соседнюю кровать.

— Сначала хотя бы разуйся.

На обед мы вышли через сорок минут.

Это был хороший результат для двух женщин, которым нужно было вымыться, переодеться, найти зарядку и убедиться, что мини-бар нельзя принимать за подарок судьбы.

Внутри маленького холодильника стояли красивые бутылочки. Я взяла одну, прочитала цену и поставила назад с таким уважением, будто она могла вызвать охрану.

— Вода на столе бесплатная, — сказала Дженни.

— Этой воде не стыдно перед соседями?

— Пойдём есть.

Я надела свободные шорты и синюю рубашку. Волосы собрала кое-как. Шляпа всё ещё помнила чемодан и загибалась с одного края, словно хотела увидеть, что происходит на моём лице.

Подруга выбрала лёгкое зелёное платье.

Я посмотрела на неё.

— Ты уже умеешь отдыхать.

— Я просто переоделась.

— У меня это редко заканчивается настолько убедительно.

За дверью я попыталась приложить карту к кнопке вызова лифта.

Дженни молча опустила мою руку.

— Спасибо, — сказала я. — Я ещё не со всеми механизмами знакома.

Мы спустились на террасу.

В дневном свете бухта стала светлее. Вода возле берега была почти прозрачная. Я видела камни на дне и маленькую лодку с белым тентом. Мне хотелось сразу всё: сесть, есть, купаться, фотографировать и на минуту стать женщиной, которая умеет загорать, не придерживая живот двумя руками.

Официант принёс меню.

Он был красивый. Не вызывающе, а таким способом, при котором даже слово «салфетка» могло прозвучать приглашением.

— Меня зовут Феликс. Хотите начать с напитков?

— С хороших новостей, — сказала я. — Еда здесь существует в нормальном размере?

Он улыбнулся.

— Мы стараемся.

Дженни заказала воду с лимоном и салат с рыбой. Я — сэндвич и картофель.

— Вы можете взять тарелку картофеля к сэндвичу, — сказал Феликс.

— Я именно так и планировала.

Он уточнил, потому что всё это было в разных строках.

Я поблагодарила. Для человека, который часто не понимал собственные отношения, разобраться в сочетании хлеба и картофеля было очень важно.

Мы сели возле перил.

За соседним столом мужчина спорил с женщиной о том, где завтра лучше завтракать. Женщина хотела на воздухе. Мужчина считал, что птицы будут мешать. Они прилетели на остров с тысячами птиц и теперь пытались решить, кому уступить территорию.

Я посмотрела на Дженни.

— У тебя есть план?

— Поесть. Пойти к морю.

— Только два пункта?

— Можем добавить лёжа.

— Я не знала, что отпуск требует таких способностей.

Она откинулась на спинку стула.

Мне нравилось смотреть, как постепенно меняется её лицо. Лоб разглаживался. Плечи перестали жить возле ушей. Подруга замечала, что рядом с ней происходят вещи, которые не надо исправлять.

Нора вышла на террасу с тем самым мужчиной в тёмных брюках.

Он нёс телефон и папку. Она — свой стакан воды. Они остановились возле прохода, и Феликс показал на свободный стол в тени.

Мужчина ответил:

— На пять минут.

Я сразу узнала тон. Так люди назначают срок чужому терпению, когда сами его не собираются соблюдать.

Они сели через два стола от нас.

Феликс принёс наш заказ.

Я занялась картофелем.

На третий кусок соус капнул на стол. Я вытерла. Очень аккуратно. Стол всё равно выглядел оскорблённым.

Снизу по лестнице поднялись две женщины.

Одной было около пятидесяти, возможно чуть больше. Короткие светлые волосы, белая рубашка, широкие брюки. Она выглядела богатой без усилий и не пыталась убедить в этом даже свою сумку.

Вторая была моложе, темноволосая, с длинной косой и телефоном на ремешке. Она всё время немного забегала вперёд, словно первая женщина была поездом, которому нужно освободить путь.

Нора поднялась.

— Клаудия.

Старшая женщина остановилась.

Мужчина тоже встал.

— Всё готово, — сказал он.

— Это приятно слышать, Грант. Осталось увидетьь.

Нора поздоровалась с младшей.

— Далия, мне нужен список изменений.

— Отправила утром.

— Там нет финального времени.

Далия открыла телефон.

Я откусила сэндвич.

Дженни смотрела на море. Я — на хлеб. Но люди говорили достаточно близко, чтобы случайно участвовать в моём обеде.

— Показ в половине одиннадцатого, — сказал Грант. — Потом возвращаем в хранение до вечера. Фотограф придёт раньше.

— Без вспышки возле витрины, — заметила Клаудия. — Это уже обсуждали.

— Он знает.

— И без гостей, которые вдруг решили поучаствовать.

Грант улыбнулся.

— Галерею закроют.

Я подняла глаза слишком поздно.

Клаудия как раз посмотрела на нас.

В частности — на мой сэндвич, который решил показать ей содержимое.

Из хлеба выскользнул маленький лист салата и лёг мне на

бедро.

Я поймала его.

— Этот не участвует, — сказала я.

Женщина несколько секунд молчала.

Потом засмеялась.

У неё был хороший смех. Не такой, которым дают понять, что низшие существа тоже имеют право развлекать.

— Пусть обедает спокойно, — сказала она Гранту. — Никто ещё не собирался у вас ничего трогать.

Мне захотелось сообщить, что это спорное предположение.

Я удержалась.

Феликс подошёл и спросил, хочет ли она сесть.

— Позже. Сначала покажите, где завтра не будет мешать солнце.

Они прошли дальше по террасе к стеклянным дверям галереи.

Нора на секунду задержалась возле нашего столика.

— Простите за шум.

— Мы всё равно ели громко, — сказала я.

Она улыбнулась.

— Добрались нормально?

— Отлично. Мне пока нравится здесь всё, что не входит в мини-бар.

— Тогда не берите воду с красной крышкой. Я уже успела.

Дженни спросила:

— Вы с тем самым мероприятием?

Нора кивнула.

— Завтра частный показ. Сегодня двадцать маленьких дел, которые притворяются одним.

Грант позвал её от дверей.

Она извинилась и ушла.

Я проводила их взглядом.

— Хорошая работа, — сказала я. — Все ходят красивые, а деньги, наверное, у вещей.

— Пэм.

— Наблюдение. Бесплатное.

Подруга взяла воду.

— Наши деньги у нас. Давай сохраним хотя бы это.

Я кивнула.

После обеда мне принесли счёт. Не страшный, но достаточно серьёзный, чтобы я вспомнила, как выглядит час работы у Мэгги.

Я заплатила свою часть.

Дженни — свою.

Феликс поблагодарил. Я оставила чаевые и испытала чудовищное удовольствие от того, что человек не пытался забрать у меня больше, чем я сама дала.

Пока мы вставали, в галерее раскрыли коробку с белой подкладкой.

Через стекло я увидела тёмную дугу, на которой что-то блестело.

Клаудия наклонилась к ней. Нора стояла сбоку с листом.
Далия достала маленькую салфетку.

Я задержалась на две секунды.

Дженни тронула мою руку.

— Море.

— Иду.

Мы спустились к пляжу.

Лестница оказалась длиннее, чем на карте.

Каждая ступень сообщала моим ногам, что обратный путь не включён в стоимость.

Внизу стоял сотрудник с полотенцами. Он спросил номер комнаты.

Я назвала.

Он выдал два полосатых прямоугольника и показал свободные шезлонги.

Никакой проверки личности. Никакого вопроса, зачем мне полотенце. Это место всё больше казалось опасным для моей способности вернуться к обычной жизни.

Мы выбрали два места под широким зонтом.

Песок был тёплый и мягкий. Я сняла сандалии, сделала шаг и тут же наступила на собственную тень, не попав пяткой внутрь шлёпанца. Пришлось остановиться и разобраться, как именно устроена нога.

Дженни уже убирала платье в сумку.

На ней был красивый закрытый купальник тёмно-зелёно-

го цвета. Мой был чёрный. Я выбрала его, потому что чёрный якобы стройнит. Пока он просто честно обтянул то, что было.

Я села на край шезлонга и посмотрела на людей.

Они лежали. Просто лежали. Некоторые читали, некоторые спали. Один мужчина держал телефон над лицом с такой уверенностью, что мне хотелось предупредить про гравитацию.

— Пойдём? — спросила Дженни.

Я поднялась.

Вода оказалась прохладной.

Я вошла по щиколотку, потом по колено и остановилась, чтобы пересмотреть договор с природой.

— Нормально, — сказала подруга, уже уплывая.

— У тебя тело более воспитанное.

Волна плеснула мне на живот.

Я пискнула.

Возле берега маленький мальчик тоже пискнул, но в счастливой версии. Его мать посмотрела на нас с улыбкой. Я решила, что в этой паре мне ещё есть куда расти.

Пошла глубже.

Вода приняла мой вес.

И сразу всё стало легче.

Я оттолкнулась от дна, сделала несколько гребков и вдруг поняла, что улыбаюсь без причины, которая потребует объяснения вечером.

Дженни плавала рядом.

— Ну?

— Мне нравится, когда меня носят.

Она засмеялась и брызнула в меня.

Я брызнула в ответ.

Мы были взрослыми женщинами, за которых вчера банки провели серьёзные платежи. Теперь я пыталась попасть водой ей в лицо и промахивалась с профессиональным постоянством.

Через минуту подруга неожиданно легла на спину.

Смотрела в небо.

Я подплыла ближе, но не заговорила.

Иногда человеку нужно, чтобы рядом не объясняли даже счастье.

Нас слегка качало.

Вдалеке за линией поплавков шла лодка. На верхней террасе двигались маленькие люди. Отель казался гораздо проще с воды: белые стены, зелень и окна, за которыми кто-то тоже никак не мог найти чистые носки.

Я тоже попробовала лечь на спину. Ноги захотели жить внизу, пришлось ещё раз. На этот раз получилось. Несколько секунд я видела только небо и думала, как не вдохнуть море. Очень понятная задача.

Когда мы вышли, на моём шезлонге сидела чайка.

На чужом — нет.

Это было личное.

Птица посмотрела на меня, затем на сумку. Я подошла.

— Нет, — сказала ей.

Она не отреагировала.

— Там нет еды.

Дженни подняла брови.

— Есть.

— Не выдавай меня.

Чайка наконец взлетела и оставила нам шезлонг. На полотенце обнаружился след её мыслительной деятельности.

Я посмотрела вверх.

— Начались ежедневные чудеса.

Подруга хохотала так, что нам пришлось придержать зонт.

Сотрудник принёс новое полотенце. Улыбнулся. Сказал, что это к удаче.

— Тогда удачу лучше выдавать небольшими порциями,
— ответила я.

Мы лежали почти час.

Я впервые смогла не следить за временем. Не ждать неизвестного номера. Просто лежать, пока спина считала, что ей нравится.

Потом зазвонил телефон Дженни.

Она достала его и посмотрела.

Номер поставщика.

— Позже, — сказала она.

Нажала на кнопку.

Положила телефон экраном вниз.

Я подняла голову.

— Кто ты и куда спрятала мою подругу?

— В отпуске.

— Её там можно оставить ещё на неделю?

Она улыбнулась.

К вечеру солнце стало мягче. На террасе появились официанты с маленькими подносами. Мы собрались идти наверх, и именно тогда я обнаружила, что телефон за полчаса под зонтом нагрелся сильнее, чем мои отношения с любым мужчиной.

На экране появилось предупреждение.

Я потрясла его.

— Он не хочет работать.

— Остуди в тени, — сказала Дженни.

— Мы можем обменяться телами?

Она забрала телефон, положила под полотенце и села рядом.

На лестницу мы поднялись позже.

Очень медленно.

В номере я сразу села на кровать, забыв, что купальник ещё мокрый.

Дженни остановилась в дверях.

Я посмотрела на покрывало.

— Возможно, здесь стирают включённо.

Она закрыла глаза.

— Вставай.

Я встала.

Подруга принесла полотенце.

Кровать отделалась небольшим пятном, которое высохло, пока я принимала душ. Ни штрафа, ни драмы. Видимо, персонал отеля уже знал, что люди прибывают сюда вместе с телями, и заранее смирился.

Когда я вышла из ванной, на столе лежал крем.

Дженни указала на мои плечи.

— Ты их намазала?

— Да.

— До моря?

— После самолёта.

Она посмотрела внимательнее.

— Завтра обновляй перед выходом. У тебя одна сторона краснее.

Я повернулась к зеркалу.

Действительно.

Солнце выбрало правое плечо как перспективную площадку.

— Асимметрия дорогого отдыха, — сказала я.

Дженни протянула мне бутылку воды.

Я пила и смотрела на бухту.

У нас впереди было ещё шесть полных дней.

Пока это казалось подарком.

К ужину я надела светлое платье.

Оно пережило чемодан лучше меня, но всё равно потребовало глажки. В шкафу висела маленькая доска. Я достала её, раскрыла и ударила себя в голень. Хорошо, когда отель сразу даёт почувствовать себя дома.

Дженни забрала утюг.

— Я сделаю.

— Ты в отпуске.

— А платье сейчас получит травму.

Я уступила.

Пока она гладила, я красилась у окна. В ванной зеркало было огромное, но свет делал моё лицо похожим на научную демонстрацию усталости. У окна хотя бы можно было договориться с солнцем.

Брови вышли разные.

Я посмотрела внимательно.

Одну удалось сделать уверенной. Вторая уже знала, чем закончится поездка.

— Не трогай больше, — сказала Дженни, увидев меня.

— Они не знакомы друг с другом.

— Познакомятся на ужине.

Она принесла платье.

Я оделась, осторожно застегнула боковой замок и повернулась.

Ткань легла нормально. Ничего не треснуло. Ничего не вывалилось.

— Хорошо, — сказала подруга.

— Не сглазь.

На ней было тёмно-синее платье, которое сразу хотелось показывать людям. Волосы она оставила распущенными. Никаких бумаг, никаких деловых туфель. Только маленькая сумка, из которой торчал угол карты отеля.

Я достала сандалии.

Не каблуки. Это следовало отметить как результат воспитания.

В коридоре стояла тележка с полотенцами. Сотрудница в светлой форме закрывала дверь соседнего номера. Я поздоровалась, она улыбнулась и убрала тележку чуть в сторону, чтобы мы прошли.

На её нагрудной табличке было «Айрис».

— Хорошего вечера, — сказала она.

— И вам. Пусть все гости попадут в душ с первого раза.

Дженни потянула меня дальше.

— Это было пожелание, — пояснила я.

— Я поняла.

Возле лифта из соседнего коридора появилась Нора. На ней тоже было светлое платье, только узкое и тёмные босоножки. Жакет она держала на руке.

— Работа закончилась? — спросила Дженни.

— На сегодня притворяется.

Она нажала кнопку лифта.

Мы вошли вместе.

Нора посмотрела на меня в зеркало.

— Красивый цвет.

— Это компромисс. Я хотела платье, которое разрешает ужинать, продавщица — продать хоть что-нибудь.

— Очень удачный компромисс.

Я почувствовала симпатию. Хорошая женщина. Умеет хвалить то, что находится поверх проблемной личности.

На втором этаже лифт остановился, и вошла Клаудия.

Теперь её сопровождала только Далия. У помощницы был небольшой чёрный футляр с короткой ручкой. Клаудия надела тёмное платье с простым вырезом. На шее ничего не было.

Она посмотрела на меня.

— Ваш салат добрался до цели?

— Большею частью.

— Прекрасно. Меня сегодня пытались накормить планом мероприятия. У вас обед был лучше.

Нора спросила про проверку освещения.

Клаудия махнула рукой.

— Мне понравилось. Только не надо заставлять меня завтра стоять у витрины три часа. Пусть смотрят на вещь.

— Двадцать минут, — ответила Нора. — Потом фотографии и закрываем.

— Грант уже обещал сорок. Вы договоритесь без моего участия?

Далия сказала:

— Я внесла двадцать пять.

Клаудия вздохнула.

— Прекрасно. Даже моя неподвижность имеет несколько организаторов.

Лифт открылся в холле.

Нора свернула к галерее, помощница пошла за Клаудией. Мы с Дженни — в ресторан.

Возле входа сотрудница спросила номер.

Подруга назвала.

Я улыбнулась с видом человека, который имеет официальный доступ к еде. Мне хотелось пользоваться этим видом чаще.

Внутри были столы, свечи и большой открытый буфет. Не тот семейный, возле которого когда-то началась одна из моих бед. Этот был наполнен совершенно другими возможностями.

— Пэм, — сказала Дженни.

— Я вижу.

— Не надо сразу всё.

— Почему ты заранее ограничиваешь моё счастье?

Нам дали стол на краю террасы. Отсюда видно было море и мягкую светлую дорожку на воде. Днём я считала, что отель красивый. Вечером он начал демонстрировать, за что берёт деньги.

Феликс поставил бокалы.

— Добрый вечер. Вода или вино?

Я посмотрела на Дженни.

Она посмотрела на меня.

— Вода. И по бокалу белого, — сказала подруга.

— Из включённого списка? — уточнила я.

Феликс кивнул.

Я расслабилась.

Всегда приятно знать, что твоё решение выпить не вызывает отдельного кредитного договора.

Мы пошли за едой.

Я взяла тарелку и вступила в личные отношения с буфетом.

Там были овощи, мясо, рыба, маленькие пирожки, сыр. Особенно сыр. Моя семья считала, что я могла бы прожить без него. Семья ошибалась по многим вопросам, но здесь особенно.

Я положила два кусочка, потом ещё один. В дальнем конце стояли десерты.

— Позже, — сказала Дженни.

Я повернулась.

— Ты читаешь мои мысли?

— Они смотрят глазами.

Мы вернулись к столу.

Слева от нас сели две пожилые женщины. Одна носила крупные серьги в виде золотистых листьев, другая — выражение человека, который заранее знает, какая часть ужина ей не понравится.

Первая попросила официанта поставить на стол ещё одну

свечу.

— Эстель, — сказала вторая, — тебе мало света?

— Мне мало атмосферы, Фэйт.

Я запомнила имена, потому что у них сразу появились обязанности.

Фэйт поправила салфетку.

— Атмосфера не поможет увидеть кость в рыбе.

— Ты умеешь испортить всё.

— Зато я ещё ни разу не подавилась.

Я тихо сказала Дженни:

— Это мы через сорок лет.

— Ты кем будешь?

— Той, которая ест обе рыбы.

Подруга подавила смешок.

Когда мы закончили с горячим, Клаудия появилась в сопровождении Гранта. Нора шла позади, держа телефон и маленький лист.

На шее Клаудии было украшение.

Теперь я увидела его нормально.

Узкая светлая цепочка. На ней — синяя птица с раскрытыми крыльями. Большой тёмный камень образовывал тело, два светлых — концы крыльев. Внизу свисала маленькая прозрачная капля.

Птица была размером с хороший грецкий орех.

Я перестала жевать.

Почти.

Слишком дорогое событие для нормального движения челюстей.

Клаудия остановилась возле широкого прохода, где на каменной тумбе стояли цветы. К ней подошёл мужчина с камерой.

— Здесь две фотографии, — сказала Нора. — И потом в галерее. Согласны?

Клаудия кивнула.

Грант чуть отодвинул вазу с цветами.

Я напряглась.

Ваза пережила это спокойно.

Фотограф попросил повернуться к морю.

Клаудия повернулась.

На украшении вспыхнула маленькая белая точка. Я увидела, как камень из почти чёрного стал синим, и наконец поняла, почему нормальные люди иногда хотят драгоценности, а не просто сумму в банковском приложении.

Эстель за соседним столом выпрямилась.

— «Синяя ласточка», — сказала она.

Фэйт прищурилась.

— Старая застёжка.

— Я говорю о подвеске.

— А я о том, что её держит.

Эстель повернулась к нам.

— Вы её знаете?

Я покачала головой.

— Мы только познакомились взглядами.

Женщина улыбнулась.

— Клаудия Морроу. Украшение из её коллекции. Завтра показ для фонда. Она иногда даёт такие вещи для вечеров, чтобы люди охотнее расставались с деньгами.

— Разумно, — сказала я. — Я уже готова расстаться со своими.

Дженни тронула меня ногой под столом.

— В смысле посмотреть на вечере, — добавила я.

Эстель объяснила, что приглашения продавались заранее, а часть мест отдали постоянным гостям и партнёрам фонда. Она с Фэйт приехала по приглашению знакомой.

— Мы здесь четвёртый раз. Обычно спокойно. Не считая прошлогоднего мужчины, который упал в бассейн с телефоном.

— Он там был не один, — сказала Фэйт.

— Она имеет в виду его гордость.

— Я имею в виду девушку, за которой он полез.

Эстель закрыла глаза.

Я почувствовала, что у нас могла бы сложиться хорошая дружба.

Дженни спросила, чем занимается фонд.

— Помогают сохранять берег, — ответила Эстель. — Убирают бухты, поддерживают старые пристани. Надеюсь, хоть часть денег действительно доходит до камней. Я их люблю.

Фэйт добавила:

— Я люблю, когда можно проверить отчёт.

Подруга заинтересовалась.

Я заметила это по её лицу. Оно было похоже на лицо перед новым помещением для магазина, только вместо аренды здесь были незнакомые люди в красивой одежде.

— Мы могли бы сходить, — сказала она мне тихо.

— Куда?

— На вечер.

Я посмотрела на украшение.

Грант стоял возле Клаудии, фотограф смотрел в камеру, Нора что-то отмечала на листе.

— Джен, у нас всё включено. Даже ужин. Можно спокойно сидеть здесь и смотреть бесплатно.

— Мне интересно.

— Что именно?

— Люди. Как это устроено. Такие вечера.

У неё было слишком серьёзное лицо для простого любопытства.

Я пожевала.

— Мы ведь решили без дел.

— Это не дело. Просто ужин.

— Ужин обычно не стоит двести чужих историй.

Дженни улыбнулась.

— Можно спросить, остались ли места.

— Можно. Только без благотворительности за счёт наших

почек.

Эстель услышала последний кусок.

— Дорогая, почки здесь точно не принимают. У организаторов всё по спискам.

Я покивала.

Очень обнадёживающая система.

Клаудия закончила фотографии. Птица снова стала тёмной. Далия подошла с футляром, но хозяйка украшения подняла руку.

— В галерее сниму. Здесь ещё поужинать хочу.

Нора сказала, что стол уже готов.

Грант проводил её через ресторан.

В какой-то момент Далия остановилась и наклонилась: с ремешка телефона соскочил маленький серебристый зажим. Он упал под соседний стол.

Я увидела раньше неё.

— Там, — сказала я.

Она не услышала из-за музыки.

Я поднялась, сделала два шага и указала.

— Под стулом.

Далия присела.

— Спасибо.

— Эти мелкие штуки всегда бегут первыми.

Она улыбнулась, подняла зажим и зацепила ремешок.

От неё пахло чем-то сладким, будто тёплой грушей. Я заметила тонкий шрам на пальце и два маленьких прокола в

левом ухе без серёжек.

— Вы у нас надолго? — спросила она.

— На неделю.

— Хороший выбор. Море сейчас спокойное.

— Надеюсь, и я ему понравлюсь.

Далия засмеялась и пошла за остальными.

Я вернулась.

Дженни смотрела на меня.

— Что?

— Ничего. Просто ты помогла.

— Её зажим. Её телефон. Никакого риска для общества.

Мы взяли десерт.

Именно в этот момент с моря подул прохладный ветер, который до этого скрывал свои способности. Я поёжилась.

Феликс принёс лёгкие накидки для гостей.

Они лежали сложенными на отдельной полке возле выхода. Бежевые, с крупными тёмно-красными цветами по краю. Одна зацепилась кисточкой за другую, когда я попыталась взять. Пришлось немного повоевать со взаимопомощью текстиля.

— Можно потом оставить здесь или вернуть на стойку, — сказал официант. — Как удобно.

Я накинула ткань на плечи.

Сразу стало тепло.

В зеркальной двери рядом отразилась женщина в светлом платье и бежевой накидке. Волосы собраны наверх. Одно

плечо выше другого, потому что я всё ещё держала тарелку.

— Я похожа на человека, которого пригласили, — сообщила я.

— Пока не заговоришь, — сказала Дженни.

Эстель попросила такую же.

Фэйт отказалась.

— Там кисточки цепляются за стул.

Она оказалась права. Через десять минут моя правая кисточка и ножка кресла заключили очень близкий союз.

Когда я поднялась, кресло поехало за мной.

Дженни поймала его.

Я остановилась.

Феликс подошёл на помощь.

Все движения были маленькими, тихими и страшно унижительными. Никто не кричал, не падал, не разбивал посуду. Просто три взрослых человека освобождали Пэм от ненавязчивого комфорта дорогого отеля.

— Бывает, — сказал официант.

— Я рада быть частью традиции.

Он распутал кисточку.

Дженни предложила вернуть накидку.

Но я уже привыкла к теплу.

— Утром отдам. Они разрешили.

Мы вышли из ресторана.

Клаудия и её спутники как раз стояли у дверей галереи. Подвеску она уже сняла. Далия держала открытый футляр,

Нора сверяла что-то на планшете. Рядом появился мужчина в сером костюме с маленьким значком отеля.

— До утра в центральное хранение, — сказал он.

Грант кивнул.

— В половине одиннадцатого перед показом получим.

— Получение через ответственное лицо, — уточнил мужчина.

Нора подняла голову.

— Меня внесли?

— Да. Вы и миссис Морроу.

— Хорошо.

Клаудия заметила нас и кивнула.

Я улыбнулась, придерживая накидку.

Она посмотрела на цветы.

— Вам идёт.

— Она уже пыталась оставить меня в ресторане навсегда.

Клаудия засмеялась.

Мы прошли к лифту.

Я была сыта. Очень. Почти счастлива, если не считать опасения, что платье теперь придётся снимать через голову вместе с частью желудка.

— Не хочу никакого вечера, — сказала я Дженни.

— Почему?

— Мне нравится наш.

Она посмотрела на меня.

Потом улыбнулась.

— Мне тоже.

Лифт приехал.

Возле кнопок висело наше отражение. Я неожиданно решила сфотографироваться. Здесь, в светлом платье, с морем, которое пока осталось за дверью, с честно оплаченной едой внутри.

Попросила Дженни.

Она навела телефон.

— Встань нормально.

— Это мой нормальный способ.

— Руку убери с живота.

Я убрала.

Она сделала три фотографии.

На первой я моргнула. На второй появилась половина пальца Дженни. На третьей мы обе смотрели в маленькое зеркало и улыбались.

Её оставили.

Пока мы поднимались, я отправила снимок Джошуа.

Он ответил: «Хорошо выглядишь».

Я написала: «Это после еды. Не привыкай».

Потом посмотрела ещё раз.

И не стала добавлять ничего.

В номере я повесила накидку на спинку стула. Карты положила на стол. Платье сняла очень медленно, предоставив швам право на жалобу.

Дженни вышла на балкон.

Я надела пижаму и присоединилась.

Внизу у бассейна играла тихая музыка. Море в темноте почти не было видно, зато слышно. Оно не пыталось разговаривать с нами о долгах и собственности. Только плескало.

— Завтра встаём без будильника, — сказала подруга.

— До скольких завтрак?

— До половины одиннадцатого.

— Тогда без будильника до девяти.

Она засмеялась.

Я вытянула ноги.

Кресло держало меня прекрасно. Ни одной кисточки. Ни одного скрытого желания забрать с собой.

Вспомнила гараж её матери. Шкаф, ширму, тяжёлую дверцу за ними. Сейф вывезли в тот понедельник, как договаривались владельцы. Деньги остались целыми. Мы не присутствовали при окончательном расчёте и не спрашивали, кто сколько получил. Дженни потом показала фотографию пустого угла, где теперь стояли горшки.

Я смотрела на неё и думала: удивительно, как быстро миллион можно заменить землёй.

— Хорошо, что мы здесь, — сказала я.

Дженни кивнула.

Она положила голову на спинку кресла и закрыла глаза.

— У меня всё время ощущение, что я что-то забыла сделать.

— Ты забыла устать.

— Уже сделала.

Мы сидели молча.

Потом она спросила:

— Ты счастлива?

Вопрос был очень крупным для человека, который всё ещё пытался понять, помещается ли в кресло после десерта.

Я пошевелила пальцами ног.

— Сейчас — да.

Она открыла глаза.

— Хорошо.

— А ты?

— Сейчас — тоже.

Этого оказалось достаточно.

Я не стала требовать, чтобы она объяснила остальное. Мы ещё успеем. Семь ночей — много для двух подруг, которые умеют превратить пять минут в отдельную историю.

Перед сном я поставила телефон на зарядку и послала маме фотографию бухты. Не себя: для меня было важно, чтобы первый ответ оказался про море, а не про то, как именно я стою.

Она написала: «Красиво. Хорошего отдыха».

Я улыбнулась.

Джошуа пожелал спокойной ночи. Луиза прислала короткое сообщение, что на смене всё нормально. Мэгги — фотографию ёлочной лошади, которую поставила возле окна.

Я ответила всем.

Никакого скрытого номера.

Никакого поручения.

Дженни уже лежала, с одной рукой под щекой. Попросила выключить свет.

Я выключила.

В темноте кондиционер тихо гудел. Где-то в коридоре прошли люди. Потом хлопнула дальняя дверь и всё стихло.

Я лежала на спине и не знала, куда деть этот хороший день.

Нельзя положить в коробку. Нельзя спрятать за стеной. Нельзя получить расписку, чтобы никто потом не сказал, что его не было.

Пришлось просто закрыть глаза.

За несколько секунд до сна я вспомнила накидку.

Утром вернуть.

Очень маленькое дело.

Совсем безопасное.

На второй день меня разбудило собственное плечо.

Оно заявило, что вчерашнее солнце было чрезмерно дружелюбным.

Я повернулась, потом обратно, осторожно потрогала кожу и решила временно не обнимать жизнь правой стороной.

Телефон показывал девять ноль шесть.

Дженни спала.

Я посмотрела на неё, на море за приоткрытой шторой и на накидку. Та висела совершенно невинно. Всегда надо подозревать вещи, которым слишком хорошо удаётся выглядеть невинными, но я пока не собиралась расширять круг своих врагов.

В ванной нашла крем после загара.

Наконец-то его время пришло.

Намазала плечо, села на край ванны и стала ждать, пока средство договорится с моей кожей. Телефон остался на столе. Я слышала, как он один раз коротко завибрировал.

Из комнаты пришёл сонный голос:

— Пэм?

— Здесь.

— Который час?

— Было девять.

— Не опоздаем на завтрак?

— Я не позволю.

Подруга что-то пробормотала и замолчала.

Я почистила зубы, вымыла лицо и попыталась собрать волосы. Они наотрез отказались повторять вчерашнюю приличную версию. Пришлось закрепить их одной заколкой и предоставить оставшимся право на свободу.

Когда вышла, Дженни сидела на кровати.

На экране её телефона было девять двадцать две.

— Я думала, ты ушла, — сказала она.

— От еды? В одиночку? Ты плохо обо мне думаешь.

Она потёрла лицо и отправилась в ванную.

Я надела свободную синюю рубашку поверх майки и взяла накидку. Сложила, потом развернула снова: кисточка попала внутрь и выглядела как погибшее мелкое животное. Пришлось аккуратно заправить.

В дверь никто не стучал. Мы вышли в девять двадцать семь — я помнила время, потому что Дженни сказала, что мы успеваем поесть и взять шезлонги до толпы.

У лифта стояла Айрис с тележкой.

— Убирать сейчас? — спросила она.

Дженни согласилась. Я попросила оставить бутылку воды на столе: внутри лежала крышка от моего лекарства для плеча, которую я зачем-то туда положила.

Айрис не удивилась.

Очень подходящий сотрудник для меня.

В холле Селия говорила с гостем, который требовал машину на двенадцать, а уточнял, что выехать нужно в одиннадцать сорок.

Мы подождали.

Я положила накидку на край стойки, возле пустого подноса.

— Это из ресторана. Вчера дали. Спасибо.

Селия повернулась.

— Благодарю. Всё хорошо в номере?

— Я лучше сплю, чем просыпаюсь. Но номер не виноват.

Она улыбнулась.

Дженни спросила, где можно узнать о вечерней прогулке по бухте. Селия показала на стойку экскурсий, добавив, что сегодня часть лодок занята частным мероприятием.

Подруга кивнула.

Мы пошли завтракать.

В ресторане пахло кофе, горячим хлебом и очень убедительным продолжением жизни. Я взяла тарелку и почти забыла про плечо.

Возле соков встретила Фэйт.

Она изучала маленькую карточку перед кувшином.

— Что-то не так? — спросила я.

— Здесь написано, что это апельсин. По цвету я бы не была так уверена.

— Можно попробовать.

— Я сначала смотрю.

Эстель помахала нам из-за столика.

Они разрешили сесть рядом, и мы перенесли вещи.

Дженни отправилась за кофе. Я — за омлетом.

Пока стояла в очереди, в проходе появилась Нора. В руках у неё был планшет. Она спросила официанта, видел ли он Гранта.

Тот указал в сторону галереи.

Нора пошла туда быстрым шагом.

Через несколько минут за ней прошла Далия, в светлой блузке и с аккуратно закрученными волосами. Телефон висел на том же ремешке. Никакого футляра.

Я развернулась с тарелкой и едва не встретилась с чужим плечом.

— Простите.

Мужчина пропустил меня.

Мне казалось, мы уже освоили отпуск. Все маленькие происшествия удавалось остановить до ущерба. Люди улыбались. Счёт пока не требовал объяснения с адвокатом.

Я поставила тарелку.

Эстель рассказывала Дженни о вчерашней музыке. Фэйт сообщила, что музыкант слишком долго играл один и тот же мотив.

— Это была другая песня, — сказала Эстель.

— Тогда они были очень близки.

Я съела половину омлета.

Дженни достала телефон.

— Сниму море. Мама просила.

— Меня не снимай, — предупредила я. — Я в процессе.

Она направила камеру через мой бокал.

На экране получилось солнце, вода и край моей тарелки.

— Вот, — сказала я. — Присутствие Пэм без риска для семейного альбома.

Подруга отправила снимок и убрала телефон.

Феликс принёс свежую воду. Спросил, всё ли нравится.

Я сказала правду.

Он улыбнулся.

Через проход быстро прошёл Грант.

Без улыбки.

За ним — мужчина в сером костюме, которого я видела вчера возле футляра. Они свернули к двери галереи. Потом появился ещё один сотрудник, в белой рубашке, и сказал Феликсу что-то тихо.

Официант кивнул.

— Что? — спросила я.

— Небольшая задержка с мероприятием.

Я вернулась к омлету.

Оказалось, чужая задержка иногда очень быстро становится твоей.

Клаудия вышла на террасу через минуту. Посмотрела на столы. Её лицо было другим: вчера она могла выбирать, кому улыбаться; сейчас словно пыталась вспомнить, где именно что-то упустила.

Грант остановился рядом с ней и указал в нашу сторону. Не пальцем. Взглядом.

Мне этого хватило, чтобы положить вилку.

— Пэм? — спросила Дженни.

— Не знаю.

Мужчина в сером костюме пошёл к нам.

Грант — следом.

Я почувствовала, как внутри всё опускается. Очень знакомым способом. За шесть недель моя память не успела стать новой, она просто нашла тихое место и ждала.

— Мисс Честерфилд? — спросил мужчина.

— Да.

— Я Эдриан Хейл, управляющий отеля. Могу попросить вас уделить несколько минут? Нужно уточнить одно обстоятельство.

Я посмотрела на Дженни.

Она уже выпрямилась.

— Какое?

Хейл задержал взгляд на других гостях.

— Лучше поговорить в кабинете.

— Что случилось? — спросила я.

Грант сказал:

— Пропала вещь из хранения. Миссис Морроу полагает, что видела вас поблизости.

Клаудия стояла позади него.

Она сразу поправила:

— Я сказала, что женщина похожа. Я видела её вчера. Сегодня меня там не было.

Я смотрела на них.

Вокруг по-прежнему звенели чашки. Люди брали еду. У одного ребёнка упала вилка, его отец поднял. Нормальное утро не остановилось ради того, что у меня перестал помещаться воздух в грудь.

— Какая вещь? — спросила Дженни.

Хейл ответил тихо:

— Подвеска миссис Морроу. Синяя птица.

Я посмотрела на хозяйку.

Её шея была пустой.

— Я её не брала.

Фраза прозвучала раньше, чем вопрос. И была совершенно правдивой.

Только никто от этого не изменил выражения лица.

— Мы хотим разобраться, — сказал Хейл. — Пока никаких выводов.

Грант чуть отвёл глаза.

Дженни взяла свою сумку.

— Пойдём вместе.

— Конечно, — ответил управляющий.

Я поднялась. Стул тихо скрипнул. Фэйт отодвинула мою тарелку, чтобы я не задела.

— Дорогая, — сказала Эстель.

Я посмотрела на неё.

Она хотела что-то добавить и не нашла слова.

Фэйт сказала:

— Время запоминайте.

Дженни кивнула.

Я не понимала, что именно она имеет в виду, но запомнила сама. Большие часы возле буфета показывали десять четырнадцать.

До свидания, омлет.

Судя по всему, ты был последним нормальным делом моего отпуска.

Кабинет находился за стойкой приёма.

На двери не было ничего зловещего. Только маленькая табличка. Внутри — стол, три кресла, шкаф с папками и экран на боковой тумбе.

Я остановилась на пороге.

Хейл предложил сесть.

Клаудия вошла с нами. Грант остался у двери, но не закрыл её. Дженни села рядом со мной, положив сумку себе на колени.

Управляющий попросил воды у сотрудницы и повернулся к нам.

— Перед утренним показом при получении обнаружили, что в футляре нет подвески. Уведомление передано полиции. Мы сверяем доступ и просим гостей, которые могли что-то видеть, помочь.

У меня снова похолодели руки.

Слово «полиция» за последние месяцы не стало обычным. Я научилась отвечать на вопросы, являться вовремя, принимать последствия. Но тело всё равно не желало считать это полезным жизненным опытом.

— Почему именно Пэм? — спросила Дженни.

Хейл посмотрел на экран.

— На записи из восточного служебного коридора есть женщина. Внешность и одежда показались знакомыми. Господин Крофт обратил внимание, миссис Морроу подтвердила сходство.

— Сходство, — повторила Клаудия. — Не личность.

Он кивнул.

— Да. Поэтому уточняем.

Я посмотрела на Гранта.

Его фамилия оказалась Крофт. Очень собранный человек с несобранным утром.

— Я там не была, — сказала я.

— Вы ещё не видели место, — заметил он.

— Я была в номере. Потом на стойке. Потом здесь ела. Это все мои места сегодня.

Дженни коснулась моего запястья.

Не чтобы удержать. Просто дала понять, где находится.

Хейл включил запись.

В углу появился коридор с гладкой светлой стеной, двумя дверями и маленьким столиком. Камера смотрела сверху. На экране стояло время: девять четырнадцать.

Женщина вышла из-за правого края.

Светлые волосы были собраны вверх. Бежевая накидка закрывала плечи и большую часть фигуры. По краю шли тёмно-красные цветы.

Она несла что-то плоское под тканью.

Не в руках, которые можно разглядеть. Ближе к груди. У поворота чуть наклонила голову, и на секунду показалась щека.

Моя.

Почти.

Я перестала дышать.

Хейл остановил изображение.

Дженни наклонилась вперёд.

Клаудия смотрела на меня, потом на экран.

Грант сказал:

— Накидка была у вас вчера. И сегодня её вернули на стойку.

Я подняла глаза.

— Такие есть в ресторане. Целая полка.

— Разумеется, — ответил Хейл. — Это мы тоже проверяем.

Грант замолчал.

На экране застыла женщина, которой я никогда не видела. Она стояла, повернув голову, и выглядела так, словно Пэм Честерфилд решила сначала научиться ходить нормально, а потом снова украсть.

Самое страшное было даже не лицо.

Я узнавала, что другие люди узнают во мне.

Волосы. Плечи. Ткань. Вчерашнюю улыбку возле лифта.

Всего хватало, чтобы начать подозревать.

Ничего не хватало, чтобы перестать.

— В девять четырнадцать я была в ванной, — сказала я.

Хейл повернулся к Дженни.

Она посмотрела на меня.

И в эту секунду я очень ясно вспомнила, как лежала утром подруга. С закрытыми глазами. Спокойная. Впервые нор-

мально выпавшаяся.

Она могла сказать: была рядом, видела всё.

Я знала, как легко произнести несколько слов, когда они спасают человека, которого любишь.

Дженни сказала:

— Я спала. Потом проснулась и позвала Пэм, она ответила из ванной. Точное время первого пробуждения не смотрела. В девять двадцать две мы обе были в номере.

Я сжала её руку.

Спасибо.

Даже сейчас спасибо.

Хейл записал.

— После вы вышли вместе?

— В девять двадцать семь, — сказала она. — Я смотрела телефон.

Я кивнула.

— На этаже видели сотрудницу. Айрис. С тележкой. Накладку вернула Селии, пока она говорила с мужчиной про машину.

— Уточним, — ответил он.

Грант спросил:

— Вы уверены, что до этого не выходили?

Я посмотрела ему прямо в лицо.

— Да.

Он выдержал взгляд.

Мне хотелось встать. Кричать. Доказать, что я не такая.

Очень знакомое желание, только раньше к нему почти всегда прилагался предмет, который следовало быстро спрятать.

Теперь у меня были крем на плече, непослушные волосы и завтрак, до которого не дали дойти.

Ничего больше.

Хейл предложил ещё раз посмотреть запись.

Я сказала:

— Покажите с самого начала.

— Мы пока получили этот отрезок, — ответил он. — Сотрудник выгружает остальное.

Дженни выпрямилась.

— Тогда дождёмся остального.

За приоткрытой дверью кто-то прошёл с подносом. Я услышала тихий звон стекла и вспомнила, что оплатили семь ночей.

Семь.

Начинался только второй день.

Женщина на экране молча смотрела в сторону выхода.

Она уже закончила своё дело.

Мне ещё предстояло выяснить, с чего оно вообще началось.

Глава вторая

Мне принесли воду в стакане с таким тонким краем, что я побоялась приложить к нему свою жизнь.

Дженни взяла стакан первой. Отпила. Поставила обратно.

Очень полезная подруга. Проверяет, можно ли существовать в дорогом помещении, прежде чем разрешить мне.

На экране всё ещё стояла женщина в цветочной накидке.

Я смотрела на её щеку. Если достаточно долго рассматривать чужую щеку, можно начать сомневаться в собственной. Мне захотелось потрогать лицо, но я удержалась: вдруг здесь любое движение уже считалось признанием.

Грант отошёл от двери и посмотрел на часы.

— Нужно предупредить приглашённых, — сказал он Хейлу.

— Сотрудники уже предупреждают.

— Показ назначен на половину одиннадцатого.

— Показ отменён.

Впервые управляющий ответил без мягкого гостиничного конца фразы. Не предложил альтернативу, не улыбнулся, не объяснил, какой другой вид на бухту мы можем получить бесплатно.

Клаудия подняла глаза.

— Ужин фонда можно оставить. Птицы там не будет.

— Мы обсудим это позже, — сказал Хейл.

Грант кивнул. Так аккуратно, будто у него даже шея была на испытательном сроке.

За дверью появился сотрудник с небольшим ноутбуком. Молодой, с тёмными волосами, короткими рукавами и лицом человека, которого оторвали от вполне нормальной субботы ради чужой дорогой трагедии.

— Остальной отрезок готов, мистер Хейл.

Управляющий поднялся.

Я сразу подтянула ноги под кресло. Зачем — не знала. Возможно, тело пыталось занять меньше места в деле.

Молодой сотрудник подключил ноутбук к экрану и открыл другое окно. Теперь под коридором тянулась длинная полоса с цифрами.

— Это та же камера, — сказал он. — С восемью сорока пяти до девяти сорока пяти. Остальное сохраняется отдельно.

Хейл попросил начать немного раньше появления женщины.

Коридор оказался скучным.

Самым обидным образом скучным.

Я бы никогда не выбрала его для кражи собственного хорошего настроения. Белая стена, закрытые двери, столик с вазой, на котором не было даже шоколадки. Никакого величия. Человек в такой накидке имел право идти хотя бы мимо фонтана.

В девять ноль восемь по экрану прошёл мужчина с тележкой. На ней стояли две коробки и большая корзина. Мужчи-

на остановился возле дальней двери, взял корзину, исчез за краем кадра и вернулся без неё.

Я посмотрела на Хейла.

— Это наш сотрудник, — сказал он. — Его опросят.

В девять двенадцать экран снова ожил.

С правой стороны появилась полоска бежевой ткани.

Не женщина целиком. Только край накидки, который на секунду попал между стеной и дверным наличником. Потом исчез.

— Там лестница? — спросила Дженни.

Хейл кивнул на сотрудника.

— Объясните расположение.

Тот показал рукой на край экрана.

— Справа небольшой проход. В него выходят боковая лестница и дверь из внутреннего двора. Сам проход эта камера не захватывает.

— А двери, которые видны? — спросила подруга.

— Подсобное помещение галереи и коридор к служебной части. В центральное хранение идут дальше по служебной части.

Дженни медленно кивнула.

Я тоже. На всякий случай. У меня было ощущение, что перед нами раскрывают карту человеческих заблуждений, а я забыла взять карандаш.

В девять четырнадцать появилась женщина.

Она вышла так же, как в коротком отрывке. Придержива-

ла ткань у груди, быстро миновала столик, повернула голову и двинулась дальше. На этом месте прежняя запись заканчивалась. Сейчас женщина продолжила идти.

Никакого сейфа.

Никакой подвески в поднятой руке.

Никакого радостного человека, который только что получил финансовое будущее.

Накидка качнулась. Под ней показался угол чего-то светлого и прямого.

Женщина прошла к нижней части кадра, где коридор расширялся, и остановилась. Её лицо закрывала большая керамическая чаша с растением. Камеру повесили так, что листьям было предоставлено больше прав на личную жизнь, чем гостям.

Она стояла несколько секунд.

Потом подняла левую руку и поправила ткань.

Я наклонилась вперёд.

— Можно остановить?

Хейл кивнул сотруднику.

Изображение застыло. На экране была рука, похожая на любую руку, снятую с высоты и через чужой отпуск.

— Что вы заметили? — спросил управляющий.

Я посмотрела на свои пальцы.

Хотелось сказать: всё. Другие движения, другая уверенность, другая способность не задеть ближайший предмет. Но я понимала, насколько это удобно. Каждая невинная жен-

щина наверняка умеет объяснить, почему виновная держит локоть совсем не так.

— Пока ничего, — ответила я. — Я хотела увидеть лицо.

— Лица дальше почти нет, — сказал сотрудник.

Он продолжил.

Женщина свернула налево и исчезла за растением. В углу стояло девять пятнадцать с секундами.

— Там выход? — спросила Дженни.

— В крытую часть двора. Через неё можно пройти к галерее или к лестнице.

— То есть она не вошла на этой записи в хранение.

Подруга сказала это спокойно.

Без торжественного пальца в воздухе. Без радостного голоса человека, который уже отменил все плохие новости.

Молодой сотрудник посмотрел на управляющего.

Хейл ответил сам:

— На этой записи — нет. Мы видим женщину в коридоре рядом со служебной частью. Остальные записи проверяются.

Я выдохнула.

Совсем чуть-чуть. Воздух выдали в ограниченном количестве.

Грант опёрся ладонью о спинку свободного кресла.

— Но утро, место, накидка...

— Мистер Крофт, — сказал Хейл. — Пусть сначала закончим смотреть.

Клаудия взяла стакан.

Я впервые увидела, что её пальцы тоже дрожат. До этого она казалась женщиной, у которой даже потерянные вещи должны были находиться по первому требованию.

Коридор продолжал жить без нас. В девять двадцать одна сотрудница прошла с пачкой полотенец. В девять двадцать четыре мужчина в рубашке остановился у столика, поговорил по телефону и ушёл в тот же проход справа. Потом ничего не происходило так долго, что я почти возненавидела время за профессиональную непригодность.

Хейл попросил показать начало ещё раз.

— Часы на камере проверили?

— Сверили с системой. Расхождение меньше минуты.

Я посмотрела на Дженни.

Она сидела прямо. На коленях лежала сумка, ладони поверх неё. Подруга не выдавала себя за следователя, но я знала этот взгляд. С ним она раньше читала условия мелким шрифтом, пока я мысленно уже пользовалась тем, что нам собирались предложить.

— Ещё одно, — сказала она. — Накидку вернули после девяти двадцати семи. На записи женщина в ней раньше. Мы не утверждаем, что это доказывает личность. Но нельзя сказать, что она взяла на стойке именно ту вещь, которую Пэм только что отдала.

Грант убрал руку с кресла.

— Я этого не говорил.

— Тогда хорошо.

Она не улыбнулась.

Я была настолько благодарна за это маленькое «хорошо», что могла бы разрешить ей выбрать мне все завтраки до конца жизни. Кроме овсянки. Любовь тоже должна иметь границы.

Сотрудник закрыл окно и предложил оставить ноутбук.

Хейл поблагодарил его, попросил сохранить исходные записи и больше никому не показывать отрывок без необходимости. Тот кивнул и ушёл.

На экране снова остался остановленный коридор.

Грант спросил:

— Можно мне заняться приглашёнными?

— Да. Пока не называйте гостям никаких имён.

— Разумеется.

Он посмотрел на меня. Коротко, без улыбки.

Мне хотелось спросить, зачем он вообще назвал моё раньше, чем разобрался в дверях. Но он уже вышел, а за дверью его тут же остановила женщина с телефоном и тем самым выражением лица, с которым приличные люди получают отмену приличного мероприятия.

Клаудия осталась.

Она поставила стакан и повернулась ко мне.

— Я действительно увидела сходство. Но не сказала, что узнала вас.

— Я слышала.

— Хорошо.

Её «хорошо» было совсем другим. Усталым. Как будто она проверяла, удалось ли хотя бы одну вещь сегодня вернуть на своё место.

Я посмотрела на экран ещё раз.

— Она несёт что-то большое, — сказала я.

Дженни чуть повернула голову.

— Плоское, — уточнила она.

Хейл кивнул.

— Да. Но что именно, по этой записи не определить.

Я хотела добавить, что подвеска меньше грецкого ореха, а человек тащит под накидкой почти маленькую тумбочку. Но футляр был больше украшения. А ещё украшение можно было спрятать куда угодно. Честная мысль неприятно мешала мне быть убедительной.

Клаудия вдруг спросила:

— Вы ведь вчера не записывались на утренний показ?

— Нет.

— А ваша подруга?

Дженни ответила сама:

— Нет. Я только спрашивала соседок про вечер фонда.

— Понятно.

Хейл посмотрел на телефон.

— Коллеги из полиции уже здесь. Я предложу им поговорить с вами отдельно от сотрудников. Если вы хотите прежде связаться с кем-нибудь, пожалуйста.

Я уставилась на него.

Он говорил нормальные слова. Не забирал паспорт. Не щёлкал наручниками. Не сообщал, что все мои дальнейшие ночи будут включены в стоимость какого-то другого учреждения.

Но колени уже поняли всё по-своему.

Дженни наклонилась ко мне.

— Я рядом.

— Это хорошо, — сказала я. — Потому что у меня сейчас очень слабая независимость.

Она сжала мою ладонь.

Клаудия поднялась. Хейл проводил её к двери.

Пока они говорили тихо, я взяла воду.

Край стакана выдержал.

Мир пока тоже.

Инспектор оказалась женщиной, которая умела входить в комнату без обещания исправить интерьер.

Тёмные брюки, светлая рубашка, волосы собраны низко. Она показала удостоверение, представилась Эвелин Брукс и села в свободное кресло. За ней вошёл мужчина помоложе, Лукас Уорд. Он остался ближе к столу с блокнотом.

Я успела рассмотреть обувь инспектора.

Удобную.

Для меня это было почти хорошей новостью. Человек, который добровольно выбирает возможность ходить, имеет некоторое представление о земной жизни.

Хейл кратко повторил, что нашли при утреннем получении футляра и почему попросили меня поговорить. Брукс выслушала, задала ему два вопроса о хранении, попросила передать сотрудникам, чтобы не меняли привычный порядок уборки в закрытой служебной части без согласования, и повернулась ко мне.

— Мисс Честерфилд, вы понимаете, о какой вещи речь?

— Да. Видела её вчера на миссис Морроу. Подвеска с синей птицей.

— Вы готовы сейчас рассказать о своём утре?

— Готова.

Голос получился слишком громким. Будто меня выбрали ответственной за линейку у бассейна.

Я понизила его.

— Да.

Инспектор попросила начать с пробуждения.

Я начала.

Девять ноль шесть. Телефон на столе. Дженни спала. Плечо сгорело, поэтому я пошла в ванную и намазала его кремом.

На плече мы задержались дольше, чем оно заслуживало.

— Вы можете сказать, сколько находились в ванной?

— До девяти двадцати двух. То есть вышла раньше, наверное, на минуту. Я увидела время на телефоне Дженни, когда вернулась.

— Почему уверены в первом времени?

— Посмотрела свой телефон, когда проснулась.

— Чем занимались до того, как ваша подруга позвала вас?

— Кремом. Сидела на ванне, ждала, пока перестанет жечь. Потом зубы, лицо, волосы.

Брукс записала.

Я остановилась.

Очень хотелось дополнить рассказ чем-нибудь полезным. Например, тем, что я никогда не могла бы успеть одеться, совершить красивое преступление, вернуться, раздеться и сесть на ванну за восемь минут. У меня только выбор носков занимает отдельное утро.

Но это опять звучало бы как талантливая реклама невинности.

— Телефон всё это время был с вами? — спросила инспектор.

— Нет. В комнате на столе. Он один раз завибрировал, я услышала.

— Вы посмотрели сообщение после?

— Пока нет.

Я достала телефон из сумки.

Дженни чуть придвинулась, но ничего не сказала.

На экране было сообщение от Джошуа: «Доброе утро. Как плечо?»

Девять одиннадцать.

Я показала инспектору время.

Вчера я пожаловалась ему на солнечную асимметрию. Се-

годня он заботливо предоставил мне подтверждение, что телефон лежал где-то рядом с моей катастрофой. Где именно лежала сама катастрофа, сообщение не доказывало.

Брукс это не сказала.

Я поняла по тому, как она записала время и вернула мне право держать свой телефон.

— У вас есть фотографии, сделанные сегодня до завтрака?

— Нет.

— Сообщения, звонки?

— Не отправляла. Я берегла первые минуты отдыха от людей. Плохо получилось.

Уорд посмотрел на меня поверх блокнота.

Не засмеялся. Но рот стал менее строгим.

Инспектор попросила рассказать дальше.

Я рассказала про синюю рубашку, накидку, девять двадцать семь, Айрис возле лифта, стойку и мужчину, которому одновременно понадобились два времени для одной машины.

Дженни слушала молча.

В какой-то момент я попыталась посмотреть на неё, потому что спутала, говорила ли она с Селией до того, как я положила накидку, или после.

Брукс мягко остановила:

— Сначала так, как помните вы. Потом поговорим с мисс Стоун.

Я кивнула.

Выходит, дружба не выдаёт тебе законный общий мозг. Какая неприятная экономия природы.

— Накидку вы взяли где?

— В ресторане. Вчера вечером. Феликс принёс для гостей. Они лежали на полке. Бежевые, с цветами.

— Выбирали какую-то конкретную?

— Нет. Ту, которую удалось отцепить от соседней.

— Вы уже бывали в той части гостиницы, где сделана запись?

— Не знаю. Мы были в номере, ресторане, на пляже, в холле. На четвёртом этаже ходили к лифту. Место на записи мне незнакомо.

Брукс уточнила, не заходили ли мы в галерею вечером.

— Стояли возле входа, когда шли из ресторана, — сказала я. — Миссис Морроу была внутри или у двери. Далия держала открытый футляр. Нора смотрела в планшет. Мистер Хейл сказал про хранение до утра.

— Вы видели подвеску в футляре?

Я замолчала.

В памяти была чёрная коробка, белая подкладка, Клаудия без птицы на шее. Всё это очень старательно пыталось стать одним событием.

Но я не наклонялась над коробкой.

Не заглядывала.

Не имела права дорисовать то, что удобно.

— Нет. Увидела, что она сняла её. Внутри я не смотрела.
Инспектор кивнула.

— Спасибо. Именно так и запишем.

У меня почему-то стало жарко.

Возможно, потому что впервые за долгое время точность не звучала как наказание.

Брукс попросила назвать вчерашний вечерний маршрут и рассказать, когда мы вернулись в номер. Я достала фотографию у лифта. На ней мы с Дженни смотрели в зеркало, я была завёрнута в цветы и выглядела настолько довольной, что захотелось закрыть изображение от сегодняшнего дня.

Подруга рядом наклонилась.

— Это та, которую ты Джошуа послала.

— Да.

Инспектор посмотрела на снимок.

— Можно сохранить копию для сравнения одежды?

Я согласилась. Она объяснила, куда её отправить, и записала, что передала её я сама.

Было странно делиться отпускной фотографией с человеком, которого я не планировала включать в список хороших знакомых.

На фотографии у меня были оба уха видны не полностью. Лицо в зеркале, накидка на плечах, браслет на запястье.

Я вдруг подняла руку.

— Браслет.

Брукс посмотрела.

— Я его не снимала. На женщине есть?

Инспектор не ответила сразу.

— Сверим с записью. Там руки показаны недостаточно ясно. Если украшение не видно, это само по себе ещё не означает, что его нет.

Я опустила руку.

— Понимаю.

Очень не хотелось понимать. Хотелось, чтобы браслет получил повышение и стал документом, который решает всё.

Брукс задавала вопросы ещё минут пятнадцать. Кто знал номер комнаты. Знакомы ли мы с Клаудией до поездки. Как познакомились с Норой. Общались ли с Грантом. Зачем приехали на остров.

На последний вопрос я ответила:

— Отпраздновать развод.

Уорд поднял голову.

Брукс продолжила писать.

— Когда он состоялся?

Я сказала.

— Бывший супруг здесь?

— Нет. Это было важное условие моего праздника.

Дженни закрыла рот ладонью.

Не смеялась. Просто помогала лицу оставаться достойным.

Инспектор посмотрела на меня уже внимательнее.

— Есть ли у вас обстоятельства, из-за которых вы счита-

ете, что кто-то мог намеренно направить подозрения на вас?

Я перестала гладить край сумки.

Вопрос был нормальным. Ответ нормальным не был.

Моя прежняя жизнь никогда не умела приходить в комнату в удобной обуви.

Я могла сказать «нет». Всё равно сейчас никто здесь не знал про вазу, дом, код, мои прежние гастрольные таланты. До вечера, наверное, хватило бы.

Дженни смотрела прямо перед собой.

Не подсказывала.

Я вспомнила её сонное лицо на кровати. То, как легко она могла бы подарить мне непрерывное алиби, но не подарила.

— У меня были неприятности из-за кражи, — сказала я. — До этой поездки. Дело, которое я стараюсь закончить по всем обязательствам. То, что должна была вернуть и оплатить, я вернула и оплатила. Развод с этим частично связан. Но я не знаю никого здесь, кроме подруги. До вчерашнего дня.

Уорд перестал двигать ручкой на секунду.

Я увидела это.

Внутри всё маленькое и полезное упало со стула.

Брукс уточнила, где проходило прежнее разбирательство, попросила данные, которые позволяли проверить мои слова, и записала их на отдельной странице. Не потребовала пересказать полкниги при управляющем. Хейл к этому времени вышел, оставив нам кабинет.

— Это не ответ на вопрос о нынешней пропаже, — сказала она. — Но скрывать проверяемые обстоятельства не стоит.

— Я поэтому и сказала.

Голос предательски просел.

Она кивнула.

— Есть конкретный человек, который мог знать, куда вы едете, и был бы заинтересован в таком обвинении?

— Куда еду, знали дома. Но люди, которым я сказала, жалели мне хорошего отпуска. У них довольно обычные способы его испортить. Позвонить с вопросом, где лежат салфетки, например.

Уорд всё-таки улыбнулся.

Брукс — нет. Но лицо не стало жёстче.

— Бывший супруг знал?

— Я ему не сообщала. Не могу обещать, что он нигде не услышал. Но на острове я его не видела, звонков от него не было. И я не хочу придумывать подозреваемого только потому, что развелась с ним.

Инспектор посмотрела на меня несколько секунд.

— Хорошо.

Ещё одно «хорошо». Сегодня эти слова были мелкими ступеньками над очень неприятной ямой.

Она предложила сделать короткую паузу и поговорить с Дженни отдельно.

Я поднялась слишком быстро. Плечо напомнило о вче-

рашнем солнце, колено о кресле, сумка о том, что я положила её ремень под себя.

Пришлось сесть обратно, извлечь ремень и повторить попытку.

— Мне нужен дубль, — сказала я.

Уорд отодвинул кресло.

Я поблагодарила.

Дженни коснулась моей руки, когда я проходила мимо.

— Далеко не уходи.

— У меня сейчас нет сил даже на хорошую репутацию. Побег подождёт.

Она посмотрела строго.

Я сразу подняла ладонь.

— Неудачная фраза. Уже забрала.

Инспектор проследила за нами без комментария.

Я вышла в холл.

Там люди всё ещё приезжали отдыхать.

Несправедливая привычка.

Селия показала мне диван в стороне от стойки.

На столе лежал журнал про красивые дома. Я открыла его и увидела ванную размером с мой характер. Там никто не снимал крышку с крема и не удивлялся местонахождению собственных трусов.

Я закрыла журнал. Было слишком рано для фантастики.

На другом конце дивана сидел гость, которому требова-

лась машина. Можно было спросить, когда он видел меня на стойке. Но я представила, как он расскажет инспектору: «Та женщина объяснила, какое время мне следует вспомнить».

Подошла к Селии и тихо сказала:

— Мужчина, с которым вы утром говорили про машину, вон там. Пусть инспектор поговорит с ним, пока он не уехал.

Она кивнула.

Я вернулась на диван. Новое ощущение: заметить открытый путь и не полезть по нему самой.

В холле смеялась приехавшая пара. Я почти улыбнулась. Потом увидела Клаудию у стойки. Она прикрыла рукой пустое место под горлом.

Улыбка осталась где-то в промежутке.

Через несколько минут дверь кабинета открылась. Дженни вышла первой, за ней Брукс.

Подруга подошла ко мне.

— Ты ела?

Я посмотрела на неё.

— Когда? Под диваном?

— Я просто спрашиваю.

— Тогда нет. Но если долго здесь сидеть, я начну с журнала.

Она взяла меня за локоть.

Инспектор остановилась рядом и протянула карточку.

— Здесь контакт. Если вспомните что-то ещё или получите сообщение, которое покажется связанным с пропажей,

свяжитесь со мной. Сегодня оставайтесь, пожалуйста, доступны по телефону. Если решите уехать из отеля надолго, сообщите, где с вами можно поговорить.

Я кивнула.

— Нам можно вернуться в номер?

— Можно. Сейчас вы можете заниматься своими делами.

Вероятно, понадобятся уточнения.

Она посмотрела сначала на меня, потом на Дженни.

— И не пытайтесь сами опрашивать персонал о том, что он уже рассказал нам. Людям легко начать повторять чужую версию вместо собственной.

Подруга сказала:

— Поняла.

Я сказала:

— Тоже.

Брукс убрала ручку.

— Утренний показ отменён. Ужин фонда, насколько я понимаю, остаётся. Часть галереи пока будет закрыта.

— Птицы не было бы на ужине? — спросила Дженни.

— Это лучше уточнить у организаторов, когда они смогут ответить. Сейчас миссис Морроу занимается вопросами пропажи.

Инспектор не раздавала нам чужое расследование по интересам.

Возможно, это и была самая неприятная часть: ни у кого не имелось обязанности срочно объяснить мне, почему моё

лицо оказалось в их коридоре.

Мы отошли от стойки.

Дженни остановилась у пальмы и достала телефон.

— Что? — спросила я.

— Фотография завтрака. Инспектор попросила прислать оригинал. Я отправила. На ней десять ноль две.

— На нас?

— Море, бокал и твоя тарелка. Тебя почти нет.

— Даже мой омлет лучше документирован, чем я.

Она убрала телефон.

— Это подтверждает часть утра. Не всё.

Я опустила глаза.

Разумеется, я знала. Но каждое такое «не всё» ложилось на голову маленьким полотенцем. К полудню из них можно было построить гостиницу.

Дженни подождала.

Потом сказала:

— Давай доедим.

— Мне кажется, мою тарелку уже похоронили.

— Возьмём другую.

— Завтрак закончился.

Она посмотрела на часы.

Без пяти двенадцать.

Я посмотрела тоже.

Два часа моей жизни прошли без еды. Теперь их можно было считать пропавшими независимо от украшения.

У ресторана официант складывал меню завтрака в ящик. Другой сотрудник протирает столы. Наш стол уже выглядел так, будто никакой Пэм на нём никогда не было. Ни омлета, ни стакана, ни следа моего неудачного начала.

Эстель и Фэйт сидели у дальнего края террасы.

Перед Эстель стояла чашка. Фэйт держала очки за одну дужку и рассматривала нас так, словно мы вернулись из слишком дорогой экскурсии.

— Ну? — спросила Эстель.

Я села.

Дженни осталась рядом со стулом.

— Мы поговорили. Они проверяют.

— И правильно, — сказала Фэйт.

— Тебе позволили уйти? — спросила Эстель у меня.

Я потёрла лоб.

— Я не была арестована. Хотя мой завтрак понёс потери.

Фэйт посмотрела на подошедшего Феликса.

— Принесите, пожалуйста, что-нибудь, что можно съесть сейчас.

Он повернулся ко мне.

— Горячую кухню для завтрака уже закрыли. Но могу предложить тосты, сыр, фрукты.

Я чуть не обняла его.

Именно чуть. У человека было лицо, которое не следовало портить моей благодарностью на глазах у гостей.

— Всё, что не надо расследовать, — сказала я.

Он улыбнулся.

— Тосты пока в порядке.

Дженни села рядом.

— Мы оплатим, если уже не входит.

Феликс покачал головой.

— Я уточнил у мистера Хейла. Это будет продолжение вашего завтрака.

У меня защипало нос.

Из-за тостов.

Наверное, даже приличная женщина имеет право распла-
каться от углеводов, когда весь мир с утра держит её за чу-
жую щеку.

Эстель подвинула салфетки.

— Мы тоже поговорили с инспектором. Сказали, что вы
сидели с нами.

— Спасибо.

— Она спрашивала время. Фэйт помнит лучше.

Фэйт надела очки.

— Время кофе помню. До того, как вы сели, я смотрела
на часы у буфета: хотела понять, успеем ли пройтись перед
показом. Было без двадцати десять. Но минуту, когда вы по-
дошли, я не видела.

Я кивнула.

— Этого не надо подгонять.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Я и не собиралась.

— Я знаю. Просто... спасибо.

Эстель коснулась её руки.

— Она благодарит за то, что ты такая невыносимо точная.

— Наконец-то.

Феликс принёс тарелки.

Тосты, ломтики сыра, маленькую миску с фруктами. Поставил всё перед нами и спросил про кофе.

Я попросила.

Дженни тоже.

— Два завтрака, — сказала я, когда он ушёл. — А отпуск всё равно выглядит голодным.

Эстель наклонилась.

— Я слышала, в холле сказали, что нашли запись.

Мой кусок хлеба остановился на полпути.

— Кто сказал?

— Гостья. Она была на утренний показ приглашена. Ей позвонили, что он отменён. Потом, видимо, кто-то ещё объяснил причину.

— Назвали Пэм? — спросила Дженни.

— Нет. Говорили про женщину в цветах. Я сказала, что цветы здесь вчера носили многие.

Фэйт постучала пальцем по своей чашке.

— И ты сама.

— Я это тоже сказала.

Я положила хлеб.

До этого мне казалось, что плохой день находится за за-

крытой дверью кабинета. Оказывается, у него был полный доступ к холлу и очень хороший словарный запас.

— Запись не показывает кражу, — сказала Дженни. — Только женщину в коридоре. Они проверяют остальное.

— Тогда так и надо говорить, — ответила Фэйт.

Эстель вздохнула.

— Люди любят коротко.

— Особенно если коротко получается чужая жизнь, — сказала я.

Дженни положила ладонь мне на колено под столом.

Не утешала вслух.

Я взяла хлеб снова.

Масло было настоящим, сыр вкусным, кофе горячим. Странно, что завтрак мог продолжать быть хорошим, когда все остальные обстоятельства отказались от сотрудничества.

Феликс вернулся с водой.

Я поблагодарила его. За соседним столом женщина посмотрела в нашу сторону. Может быть, случайно. Но теперь любой взгляд приходил с приложением, которого вчера не было.

Дженни придвинула ко мне тарелку.

— Ешь, Пэм.

Я послушалась.

Когда мы закончили, Эстель спросила, пойдём ли вечером на ужин.

— У нас нет приглашения, — сказала Дженни.

— Я знаю. Но освобождаются места. Люди, которые прилетели именно ради показа, теперь могут не прийти. Моя знакомая из фонда пока даже не знает, сколько останется.

— Мы не хотим сейчас мешать, — ответила подруга.

Я посмотрела на неё.

Она не сказала «нам неинтересно».

Очень маленькая разница. Настолько маленькая, что через неё наверняка могло пролезть всё наше будущее.

Фэйт сняла очки.

— Если хотите, спросите у организаторов. Только не у этого мужчины, который всё время обещает время за других.

— У Гранта? — уточнила Дженни.

— Да. Он вчера сообщил нам, что машина после ужина будет в десять. Потом в половину одиннадцатого. Потом оказалось, что мы вообще никуда не едем, потому что живём здесь.

Эстель засмеялась.

— Он перепутал столы.

— Нужно начинать со столов, если организуешь людей.

Я допила кофе.

Образ аккуратного координатора немного потерял блеск. Но путать машины и красть птицу — разные виды квалификации. Я не стала назначать ему второй только за то, что первый выполнялся так себе.

Дженни поблагодарила обеих.

Мы поднялись.

Эстель вдруг сказала:

— И не прячьтесь в номере весь день. Я вчера видела, как вы смотрели на море.

Я остановилась.

— Сегодня море смотрит на меня с некоторой осторожностью.

— Море видело больше, чем мы все.

Фэйт взяла сумку.

— Но протокол не подпишет.

Я всё-таки засмеялась.

Впервые после кабинета — нормально.

Смех получился небольшой, потрёпанный. Но живой.

В лифте стояли трое гостей и женщина с огромной пляжной сумкой.

На сумке было вышито «БЕЗ ЗАБОТ».

Я посмотрела на надпись и отвернулась, пока не сказала что-нибудь товару.

Женщина нажала четвёртый этаж. Один из мужчин приподнял брови:

— Вы тоже в восточном крыле?

— Да, — ответила Дженни.

— Сегодня там такое движение. Нам даже сказали пользоваться другим выходом к галерее.

— Часть помещений закрыта, — сказала подруга.

Он кивнул.

— Украшение, кажется, пропало. Жена расстроилась. Хотела посмотреть.

Я посмотрела на цифры над дверью.

Два.

Три.

В лифтах хорошо, что стены не позволяют человеку начать бежать раньше положенного.

— Жалко, — сказала женщина с сумкой. — Клаудия всегда привозит что-нибудь красивое. А потом гости просят показать ещё раз.

Мужчина повернулся к ней.

— Вы её знаете?

— По этим ужинам. Она не любит, когда трогают цепочку. Всегда сама снимает.

Двери открылись.

Я вышла первой.

Слишком быстро, но хотя бы не налетела на картину с лодкой. Вчера я не знала, насколько полезно это достижение.

У нашего номера стояла Айрис.

Тележка была отодвинута от двери. На верхней полке лежали чистые полотенца, на нижней стояла корзина. Айрис держала карту и маленький список.

Увидела нас и убрала список.

— Всё готово. Бутылка осталась на столе, как просили.

— Спасибо, — сказала я.

Дженни приложила карту к двери.

Айрис хотела отойти, потом задержалась.

— Инспектор спрашивала про утро. Я рассказала, когда пришла на этаж и где убирала. Но я не всё время была в коридоре.

Я повернулась к ней.

Она смотрела открыто. Не виновато, не испуганно — просто так, как смотрит человек, которому не хочется обещать чужое спасение, если он его не видел.

— Вы не обязаны видеть всё, — сказала я.

Айрис кивнула.

Дженни поблагодарила ещё раз.

Мы вошли.

В номере пахло чистым бельём и тем простым спокойствием, которое в нашем отсутствие успели навести чужие руки.

Обе кровати были застелены. Моя пижама аккуратно лежала на стуле. Бутылка воды стояла на столе. Крышка всё ещё была внутри.

Я взяла бутылку.

Посмотрела на неё через пластик.

— Это единственный предмет, который сегодня нигде не передумал находиться.

Дженни закрыла дверь.

Я развернула бутылку горлышком вниз, потрясла, постучала по дну. Крышка от крема перевернулась, встала поперёк и отказалась участвовать в освобождении.

— Дай, — сказала подруга.

— Не надо. Мне нужно хотя бы что-нибудь выиграть са-
мостоятельно.

Я потрясла сильнее.

Крышка ударилась о горлышко и осталась там.

Вода брызнула мне на майку.

Дженни взяла полотенце.

— Победа близко.

— Она меня недостойна.

В конце концов мы вытащили крышку вдвоём с помощью пальца и терпения. Это заняло три минуты, оставило мокрый круг на столе и ничего не улучшило в деле о пропавшей птице.

Но я села на кровать уже без желания провалиться сквозь матрас.

Подруга подошла к балкону.

Открыла дверь.

В комнату вошли море, тёплый воздух и музыка от бас-сейна. Всё, что мы честно оплатили и пока почти не получили.

— Ты сказала ей про прежнее? — спросила Дженни.

Я посмотрела на свои колени.

— Да.

— Хорошо.

— У всех сегодня хороший словарь.

Она присела на соседнюю кровать.

— Я не слышала, что именно ты сказала. Меня спросили, знала ли я о твоих прошлых обстоятельствах. Я ответила, что знала. И что нынешнее утро рассказываю отдельно.

Я кивнула.

Пальцы сами нашли браслет.

— На секунду мне показалось, что лучше было бы молчать.

— Я понимаю.

— Не из-за того, что хочу опять. Из-за того, что если человеку сообщить старое, у него сразу появляется очень удобная полка для тебя. Не надо думать, куда поставить.

Дженни посмотрела на шкаф.

— Ты сама иногда ставишь себя туда раньше других.

— Там хотя бы привычно.

Она не стала спорить.

Снаружи засмеялся ребёнок. Кто-то у бассейна громко позвал его обратно. Обычная жизнь делала всё возможное, чтобы не быть нашей.

— Мне страшно, — сказала я.

Дженни пересела ко мне.

Никакой паузы, в которую я могла бы объявить это шуткой.

— Я знаю.

— Не только из-за полиции. Я вчера была так довольна собой. Заплатила за еду, не залезла никуда, не понесла чужое. А теперь...

Я махнула рукой.

Она поймала её.

— Ты сегодня тоже ничего не взяла.

— А выглядит почти как раньше.

— Почти. Мы не будем добавлять то, чего нет.

— Ты сейчас про запись или про меня?

— Про всё.

Я положила голову ей на плечо. Левую сторону решила оставить миру: правая уже внесла достаточно в наш отдых.

Дженни обняла меня так, чтобы не задеть ожог.

Я сидела молча.

Не смогла бы красиво рассказать, что именно почувствовала. Было просто место, где мне не требовалось ни одного доказательства, чтобы считаться своей.

Телефон на столе загудел.

Джошуа.

Я подняла голову.

На экране снова было нормальное имя нормального человека. Того, кому я вчера отправила фотографию, потому что хотелось, чтобы он увидел меня красивой.

Сегодня очень не хотелось, чтобы он увидел остальное.

Дженни отстранилась.

— Ответь.

— Что сказать?

— Как есть. Если хочешь.

Она встала и вышла на балкон.

Я взяла телефон.

— Привет.

— Привет. Я не разбудил?

Я посмотрела на аккуратную кровать.

— Уже нет.

— Ты не ответила утром. Решил проверить, не проиграли ли вы море.

Я закрыла глаза.

— Проиграли. На данный момент море ведёт.

Он услышал голос раньше слов.

— Пэм. Что произошло?

Я рассказала.

Не от начала развода. Не с описания всей гостиницы. Сказала, что пропало украшение, на записи похожая женщина, меня попросили поговорить, я ничего не брала, в то время была в ванной.

Джошуа выслушал и спросил, в номере ли я, рядом ли Дженни.

Я ответила. Потом сказала про прежнее разбирательство, о котором сообщила инспектору.

— Правильно, — сказал он.

— Мне не понравилось лицо второго человека, когда я рассказала.

— Ты не можешь выбирать ему лицо.

— Могу. Но сейчас это было бы слишком подозрительно.

Он помолчал.

— Что тебе нужно?

— Чтобы всё отменили.

— Я не смогу. Могу помочь найти специалиста, если понадобится. Могу быть на телефоне. И послушать.

Я поджала пальцы ног.

— Не прилетай. На всякий случай говорю. У меня сейчас плохие решения в свободном доступе.

— Я не собирался решать вместо тебя.

Мне стало неловко: я уже успела мысленно обвинить заботу в захвате территории.

— Знаю. Просто испугалась.

— Я слышу.

Он спросил, ела ли я. Я рассказала про два завтрака.

— Значит, хлеб на твоей стороне.

— И сыр. Не забывай тех, кто верил с начала.

Мы оба засмеялись.

Разговор закончился обещанием написать, когда узнаем что-то ещё. Джошуа не сказал, что всё обязательно будет хорошо. Не выдал мне будущее, которого не мог проверить. Но когда я положила телефон, в комнате снова были только я, Дженни и наш трудный день. Чужой оценки не прибавилось.

Подруга вошла с балкона.

— Ну?

— Он пока не передумал знакомиться со мной.

Она вздохнула.

— Ты когда-нибудь сможешь назвать поддержку поддерж-

кой?

— По окончании испытательного срока. Мы знакомы с ней недавно.

Дженни взяла крем со стола.

— Повернись.

Я повернулась.

Она аккуратно нанесла крем на правое плечо. В комнате стало тихо, только кондиционер работал с уверенностью единственного прибора, у которого был понятный план.

— Что дальше? — спросила я.

Подруга закрыла тубик.

Крышкой, которую мы только что спасли.

— Не будем целый день сидеть здесь и рассматривать чужую щеку. Спустимся, узнаем, какие проходы открыты. Если Нора свободна, спросим про отменённый показ. Она видела организацию вчера.

Я повернулась.

— Инспектор сказала не опрашивать сотрудников о показаниях.

— Мы не будем. Я хочу понять, что вообще там собирались делать. И где обычный гость может оказаться, не нарушая ничего. До разговора в кабинете я даже не знала, что там две дороги к галерее.

Я подумала.

Всё, что было в плане подруги, звучало почти прилично. Меня всегда настораживало слово «почти», но сегодня дру-

того материала у нас не было.

— И пообедаем, — добавила она.

— Мы только поели.

— К тому времени проголодаешься.

Я посмотрела на неё с уважением.

Дженни Стоун начинала понимать меня без специального обучения.

Для прогулки я выбрала сандалии, которые уже доказали, что способны удерживать меня на поверхности острова. Волосы заколола заново. Пять минут смотрела в зеркало, пытаюсь понять, выгляжу ли я теперь меньше похожей на неизвестную женщину.

— Пэм, — сказала Дженни из-за спины. — Перестань.

— Я проверяю, что у меня всё ещё своё лицо.

— Своё.

— На курортах иногда выдают улучшенное. Мне, видимо, не хватило тарифа.

Она протянула мне сумку.

Я положила в неё телефон, карточку Брукс и крем. Потом подумала и добавила маленькую бутылку воды, уже без посторонних предметов.

У двери подруга задержалась.

— Мы можем и остаться. Если ты не хочешь вниз.

Я посмотрела на кровать.

У кровати имелось очень убедительное предложение.

Сесть, лечь, перестать быть интересной для окружающих. Но на столе стояла корзинка с фруктами, за балконом было море, а я за несколько часов успела почувствовать себя человеком, которого поселили здесь до выяснения обстоятельств.

— Пойдём, — сказала я. — Надо хотя бы показать отпуску, что я ещё его участник.

Мы вышли.

Айрис уже не было. Возле картины с лодкой стоял мужчина в шортах и пытался найти карточку в трёх карманах сразу. Он увидел нас и улыбнулся.

— Здравствуйте.

Я поздоровалась.

Он снова полез в карман.

— Каждый раз перекладываю, чтобы не потерять. Теперь не знаю, где это умное место.

— Они всегда хуже обычных, — сказала я.

Он засмеялся.

Дверь лифта открылась.

Пока мы ехали, я подумала, что даже на этаже, где произошло моё плохое утро, были люди с собственными маленькими несчастьями. Никто не обязан был мгновенно считать меня главной.

В холле Грант разговаривал с двумя мужчинами. У одного была бумажная сумка с серебряной раковиной, такой же, как на Нориной папке.

— Вечер по программе. Вход в зал с семи сорока пяти, —

говорил координатор.

Дженни замедлила шаг. Я взяла её под локоть.

— У нас пока маршрут без программы.

Она улыбнулась, но пошла дальше.

У стойки экскурсий мы встретили Лео. Подруга спросила про старый город. Он посоветовал ехать утром или ближе к вечеру и дал буклет. На фотографии была узкая улочка с витриной украшений.

Я перевернула лист. На обороте оказался человек с огромной рыбой. Нейтральных предметов для отдыха остров мне не оставлял.

Мы вышли через главный проход.

Дорожка шла между низкими клумбами к бассейну, оттуда можно было спуститься на пляж или повернуть к галерее. На солнце камень оказался настолько тёплым, что мои ступни внезапно почувствовали себя двумя важными новостями.

Где-то играла музыка. Под навесом женщина объясняла небольшой группе, как дышать и отпускать напряжение.

Я остановилась послушать.

— Сделайте вдох, — сказала она. — Почувствуйте, как тело становится лёгким.

Я сделала вдох.

Тело осталось честным.

Дженни потянула меня дальше.

— Не мешай людям.

— Я ничего не сказала.

— У тебя уже было лицо.

На открытой площадке справа стояли лежаки. Левее началась арка, через которую виднелся небольшой двор с растениями в больших чашах. Одна из чаш была такой же формы, как на записи.

Я замедлила шаг.

Дженни заметила.

У входа стоял сотрудник гостиницы. На маленькой табличке было написано, что проход в служебные помещения закрыт. Дорожка вокруг двора оставалась свободной.

Подруга подошла к сотруднику.

— Подскажите, пожалуйста, в галерею сейчас можно попасть снаружи?

— В открытую часть — да. Через террасу. Здесь только проход вокруг сада. Внутренний коридор временно закрыт.

— А эта лестница? — Она показала на узкий пролёт за аркой.

— К восточному крылу. Вход во внутреннюю часть сейчас через главный холл.

Мы поблагодарили и отошли.

Подруга ничего больше не спросила. Не назвала меня, не попросила сотрудника вспомнить светлую женщину, не превратила его утро в совместное воспоминание.

За аркой был маленький двор.

Камень, тень, фонтан в стене, две скамьи. Растения в чашах действительно закрывали часть дороги от любого чело-

века, который смотрел сверху со стороны коридора.

Я остановилась снаружи, там, где разрешалось стоять гостям.

Вчера весь этот угол гостиницы для меня не существовал. Сегодня он выглядел как место, которое кто-то слишком охотно поставил рядом с моим именем.

— Сюда можно выйти, не заходя в хранение, — сказала Дженни.

— Нам это уже объяснили.

— Я хочу увидеть расстояние.

Она повернула голову к террасе.

Ресторан был совсем рядом. Не рукой достать, но намного ближе, чем представлялось по скучному коридору на экране. Между ним и двором шла дорожка с тремя ступенями.

С другой стороны арки узкая лестница поднималась к боковому входу в восточное крыло.

Я выдохнула.

— Мне не нравится, что отсюда к нам недалеко.

— Мне тоже. Но это не делает тебя женщиной на записи.

— Знаю.

Раньше короткие дороги были моими любимыми. Теперь каждая выглядела аргументом, который кому-то будет удобно произнести.

Мы обошли двор по открытой дорожке.

Я почти не смотрела под ноги.

Очень плохое решение для человека с моими отношени-

ями к пространству.

Сандалия наступила на край низкой верёвки, натянутой между двумя стойками возле клумбы. Верёвка была светлая, камень тоже, солнце яркое. Всё сговорилось против меня с прекрасным вкусом.

Я качнулась.

Дженни поймала мою сумку, я поймала ближайшую стойку, стойка решила не оставаться в стороне.

Мы замерли втроём.

Подруга. Я. Гостиничная система ограждения.

— Не двигайся, — сказала Дженни.

— Я уже давно не сторонник движения.

Она поставила сумку на скамью и освободила ремешок сандалии от верёвки.

Женщина с дыхательной площадки посмотрела в нашу сторону.

— Всё в порядке?

— Да, — ответила я. — Я заземлилась.

Она улыбнулась, видимо, решив, что это часть её работы.

Стойку удалось поставить обратно. Ни один цветок не пострадал. Я проверила, нет ли на щиколотке царапины, и приняла решение больше не понимать архитектуру на ходу.

Дженни взяла сумку.

— Вот поэтому мы не будем бегать по коридорам и проверять, за сколько ты дошла бы до номера.

— Я бы показала отрицательное время. Меня бы нашли

на следующий день в клумбе.

Мы пошли к открытой части галереи.

Она оказалась небольшим залом с фотографиями острова, керамикой и стеклянными витринами. В глубине стояла переносная перегородка. Возле неё дежурил сотрудник. За перегородку гостям проходить не разрешали.

В открытой части было тихо и прохладно.

Я сразу почувствовала себя достойной культурной жизни. Кондиционер делает с человеком больше, чем воспитание.

На стене висели старые фотографии пристани. Женщины в длинных платьях, мужчины возле лодок, маленькие дети, которые ещё не знали, какие современные средства будут доступны для порчи отпусков.

Дженни подошла к столу с буклетами фонда.

Я смотрела на керамическую рыбу.

Рыба стояла на подставке и была такая грустная, словно тоже получила бесплатное улучшение номера, а потом узнала подробности.

— Вот, — сказала подруга.

Она подняла открытую карточку программы.

На ней было написано: «Частный показ коллекции Клавдии Морроу. 10:30».

Я прочла.

— Да. Мы слышали вчера.

— Я знаю. Просто запоминаю, как это было объявлено.

Возле стола стояла молодая женщина в белой юбке. Она

держала такую же карточку, но напечатанную на другом плотном листе.

— У вас половина одиннадцатого? — спросила она.

Дженни повернулась.

— Да.

— Забавно. Мне прислали десять. Мы из-за этого завтракать раньше пошли, а потом всё отменили.

Она показала свой лист.

Действительно. «10:00».

Подруга чуть нахмурилась.

— Может быть, для разных групп?

— Нам никто про группы не говорил. Я Нору вчера спросила, она сказала, что пришлёт окончательное время. Но письма не было. Наверное, в такой суете забыла.

Женщина пожала плечами.

— Я Софи Белл. Мы с мужем только на выходные.

Дженни представилась.

Я тоже.

Софи не вздрогнула на моём имени. Это стало маленьким чудом, которое я не хотела сглазить.

— Всё равно жаль, — сказала она. — Клаудия редко даёт так близко посмотреть. Мы видели птицу пару лет назад на другом вечере, там вокруг было слишком много людей.

— Вы коллекционируете украшения? — спросила подруга.

Софи рассмеялась.

— Я коллекционирую планы на них. Это гораздо дешевле. Муж считает, что даже планы нужно согласовывать.

Она посмотрела на керамическую рыбу.

— А это можно купить. Но тогда она будет смотреть на нас дома.

Я не удержалась:

— Дома и без неё хватает свидетелей.

Софи засмеялась снова.

Дженни улыбнулась.

Я вдруг почувствовала, что умею ещё что-то, кроме рассказа о времени пробуждения. Разговаривать с женщиной про некрасивую рыбу. Не заставлять её верить. Не проверять каждый взгляд.

Нора вошла через дверь с террасы.

Держала планшет и папку. Жакет был на руке, волосы убраны за уши. На лице не осталось вчерашней организованной вежливости. Было просто очень занятое лицо.

Софи позвала её.

— Нора, простите. Про окончательную программу. У нас вечер в восемь?

Нора остановилась.

— Да. Вход в зал с семи сорока пяти. Если что-то изменится, фонд сообщит отдельно.

— А эти два утренних времени были для разных групп?

Софи показала лист.

Нора посмотрела.

На секунду губы сжались.

— Нет. Это предварительная карточка. Мы меняли время показа. Должно было прийти подтверждение на половину одиннадцатого.

— Я не получила.

— Мне жаль. Проверю список рассылки.

Она сказала это так, будто действительно собиралась проверить. Не спрятаться за красивый глагол.

Софи поблагодарила и пошла к выходу. Нора подождала, пока женщина отойдёт, и посмотрела на нас.

— Я слышала, вас попросили поговорить.

У меня напряглась спина.

— Да.

Она не посмотрела на мою щеку. Я заметила и это тоже.

— Вы в порядке?

— На уровне мебели. Стою, пока ничего не разбила.

Нора кивнула.

Дженни положила карточку обратно.

— Мы не хотим мешать. Можно один обычный вопрос про вечер? Если не до него, потом.

— Спрашивайте.

— Эстель сказала, что могут освободиться места. Гости отеля могут купить приглашение сейчас или запись уже закрыта?

Я повернулась к подруге.

Нора заметила.

Посмотрела сначала на неё, потом на меня.

— Решает фонд. Я помогала с показом коллекции. Вечерние места у их координатора. Тессы. Она будет на открытой террасе после четырёх.

— Спасибо.

— Вы собираетесь идти?

— Пока не знаем, — сказала Дженни.

Я сказала:

— У меня это случилось внезапно.

Подруга прикрыла улыбку.

Нора не улыбнулась. Она сдвинула папку удобнее и понизила голос.

— Не думайте, что вам надо появляться на мероприятии, чтобы доказать, что вы ничего не боитесь.

Я подняла глаза.

Это было неожиданно близко к тому, что уже успело начать делать моё тело. Выпрямиться, надеть платье, показать всем невинное существование в приличном свете.

— Я не знаю, как это выглядит со стороны, — сказала я.

— Отдыхайте, если можете.

Она посмотрела на перегородку.

— Простите. Мне нужно внутрь.

Сотрудник у перегородки пропустил её после короткого разговора.

Я проводила Нору взглядом.

Светлые волосы были темнее моих. Лицо другое, если

смотреть прямо. Но походка ровная, плечи уверенные, привычка придерживать папку у груди.

Дженни увидела, куда я смотрю.

— Не сейчас, — сказала она тихо.

Я повернулась.

— Что?

— Не выбирай человека только потому, что в кадре он мог бы выглядеть похоже.

Мне стало стыдно.

Удобное преступление. Ни усилий, ни чужой вещи в руках. Просто берёшь то, что сделали с тобой, и быстро передаёшь дальше.

— Я не выбрала, — сказала я.

— Я знаю.

Она взяла меня за руку.

Мы вышли на террасу.

У дверей стоял высокий мужчина с белой бородой и очками на шнурке. Он говорил по телефону, а другой рукой держал приглашение.

— Да, я видел её вчера, — сказал он. — Нет, вечером, в ресторане. Нет, никто не говорил, что нашли...

Мы прошли мимо.

Я услышала только эти слова. Не знала, про меня ли речь. Может быть, про птицу. Может быть, про любую женщину, которую он видел вчера в ресторане и теперь считал важной для разговора.

Но настроение уже успело сделать выводы без разрешения головы.

Дженни сжала пальцы.

— Пойдём к воде.

— Можно к еде? Она не задаёт вопросов про вчера.

— Сначала вода. Потом еда.

— У тебя слишком серьёзная последовательность удовольствий.

Мы свернули к бассейну.

Свободные лежаки нашлись в тени дерева. Мы сняли сандалии, поставили сумки рядом и попытались отдохнуть.

Это оказалось сложнее разговора с инспектором. Там хотя бы спрашивали, а я отвечала. Здесь нужно было самой понять, куда деть тревогу и свободные полчаса.

Я достала телефон. Убрала. Достала снова.

Дженни протянула руку.

— Дай на десять минут. Я рядом. Если позвонят, услышим.

Я отдала.

Перед нами мужчина прыгнул в бассейн. Брызги дошли до соседнего лежака, где пожилая женщина вытирала очки. Он извинился. Она сказала что-то по имени. Оказалось, он принадлежал ей.

— Даже у красивых людей есть свои люди, — сказала я. Подруга улыбнулась.

Мы молчали несколько минут. Потом я спросила:

— Ты правда хочешь на этот вечер?

— Да. Хочу увидеть людей, которые вчера были рядом с украшением. Мы пока знаем лица, а не людей.

— Это уже дело.

Дженни села.

— Оно уже рядом. Но мне было интересно ещё вчера. Всю жизнь я ходила туда, куда правильно пойти. На встречи, где меня знали как дочь. На ужины, где спрашивали про магазины, даже если я хотела говорить о другом. Здесь я могу сама решить, с кем знакомиться.

— И если опять спросят про магазины?

— Отвечу столько, сколько захочу.

Я посмотрела на её руки. Они лежали спокойно, но голос был слишком живой для идеи просто поужинать.

— Иногда удобное начало плохой идеи звучит как «ничего не брать», — сказала я.

Подруга опустила глаза.

— Мы ещё приглашение не получили.

— Значит, успеем спокойно поссориться заранее.

Она засмеялась.

Я тоже. И поняла, что всё время говорить ей «не надо» не сделает меня правильной. Это сделает меня человеком, который держит подругу за край жизни и разрешает только то, чего сам не боится.

— Ладно. Спросим у Тессы. Если можно нормально по-

пасть, подумаем.

— Вместе?

— Кто-нибудь должен следить, чтобы тебе не продали галерею в рассрочку.

Она коснулась моих пальцев.

К лежакам подошли Эстель и Фэйт. Они одобрили наше возвращение на улицу. Узнав про Тессу, Эстель сказала, что та добрая, хотя перед ужинами всегда очень занята. В прошлый раз помогла им поменять стол возле музыкальной колонки.

— Там было слишком много атмосферы, — пояснила Фэйт.

Из бассейна снова поднялись брызги. Я отдёрнула ногу.

Источник извинился в третий раз.

Эстель поправила шляпу.

— У него хорошее настроение.

— Скоро у нас будет одно на всех, — сказала я.

Перед обедом я написала Джошуа: «Мы на улице. Я никого не съела. Это предварительная информация».

Он ответил: «Принято. Пообедайте».

Я показала подруге.

— Вас слишком много.

— Людей, которые хотят, чтобы ты ела?

— Людей, которые понимают меня на опасном уровне.

На террасе нас посадили у колонны. Я выбрала пасту,

Дженни суп и салат.

За колонной две женщины обсуждали отменённый показ. Одна подозревала временный персонал. Другая возражала, что здесь и гости бывают кто угодно, лишь бы оплатили номер.

Я выпрямилась.

Дженни придвинула меню.

— Смотри на меня. Что бы ты запретила в витрине моего магазина?

Я заморгала.

— Занавеску, за которой будто похоронили репутацию. И манекен с лицом счастливой жертвы.

Она улыбнулась.

— А что нужно?

— Чтобы можно было зайти без ощущения, что все прохожие уже составили мнение. Нормальный свет. Чистое окно. Продавец, который не поздравляет со смелым шагом в развитие личности. Ты просто пришла купить вещь.

Подруга достала телефон и записала.

— Ты серьёзно? — спросила я.

— Очень.

Мне стало легче. Мы обсудили полки, упаковку и мебель, способную пережить женщину, которая от волнения садится не туда.

Дженни засмеялась.

— Проверять будешь ты.

— На разрушение?

— На удобство.

— Название красивее. Сущность та же.

Принесли пасту. Я взяла вилку. Обычный обед тоже требовал профессионального опыта.

За стол у ограждения села Клаудия.

Одна.

Официант подошёл к ней, предложил меню. Она покачала головой, сказала что-то про чай и посмотрела на море.

Я отвела взгляд первой.

Через несколько минут она сама подошла к нам.

— Простите, что прерываю.

Дженни встала.

Клаудия мягко остановила её жестом.

— Не нужно. Я ненадолго.

Я положила вилку.

На ней остался маленький хвост пасты. Он свисал с края и выглядел неприлично на фоне чужого красивого самообладания.

— Мисс Честерфилд. Я поговорила с инспектором. Ещё раз объяснила, что увидела на записи и чего не видела. Не хочу, чтобы вы думали, будто я вчера поужинала рядом с вами, а сегодня выбрала удобного виновника.

Я подняла голову.

— Я так не думаю.

Клаудия посмотрела прямо.

— Вы могли бы. Мне бы на вашем месте такое пришло в голову.

Она не пыталась заставить меня поблагодарить за порядочность. Не говорила, что всё уже решено. Просто поставила перед нами маленький ясный факт.

Я выдохнула.

— Спасибо, что поправили его утром.

Клаудия кивнула.

— Я поправляла фразу. Не могла подтвердить то, чего не знала.

Мне понравилось, как она это сказала.

Раньше я, вероятно, решила бы, что с такой женщиной нужно разговаривать осторожно: не выдаст лишней уступки. Сегодня именно отсутствие лишней уступки казалось единственным надёжным подарком.

Дженни показала на свободный стул.

— Вы можете сесть. Если хотите.

Клаудия оглянулась на свой стол.

— Чай уже принесли.

— Мы можем пересесть, — сказала подруга.

Я быстро проглотила то, что осталось во рту. Паста пережила меня без скандала.

Клаудия улыбнулась.

— Давайте после вашего обеда. Не хочу ещё раз его испортить.

Она вернулась к столу.

Я посмотрела на Дженни.

— Это обязательно?

— Нет. Ты можешь не подходить.

Я снова взяла вилку.

Думала, что мне хочется сказать Клаудии. «Я не брала» я уже произнесла. «Мне очень жаль» звучало так, будто мы вместе должны пережить пропажу, которую она потеряла, а я ещё нет. «У вас была красивая птица» — особенно неудачная оценка в сложившихся обстоятельствах.

Подруга не торопила.

Когда мы закончили, официант принёс счёт. Мы оплатили свои части. Я убедилась, что бумажка лежит в сумке, не на соседнем столе, и поднялась.

— Пойдём, — сказала я.

Дженни взяла сумку.

Клаудия увидела нас и показала на стулья.

Чайник стоял на маленькой подставке, возле него чашка, блюдец, лимон. Сахар она не трогала. За ограждением шумела вода.

Мы сели.

— Теперь ваш день окончательно превращается в череду разговоров, — сказала она.

— Я ещё успела запутаться ногой в верёвке. Не будем отнимать достижения.

Клаудия улыбнулась.

— Вам принести чай?

Дженни попросила воду. Я тоже. После всего, что меня сегодня расспрашивало, лишний кофе мог стать опасным источником инициативы.

Некоторое время мы говорили про остров.

Клаудия приезжала сюда давно, ещё до нынешней галереи. Гостиница стала больше, фонтан во дворе остался от старого здания. Она любила утро на пристани и терпеть не могла, когда кто-нибудь советовал ей обязательно подняться на гору, потому что оттуда лучший вид.

— Мне вполне подходит вид, до которого не нужно доказывать здоровье, — сказала она.

Я сразу почувствовала родство.

Дженни спросила про фонд.

Клаудия рассказала, как после одной сильной зимней бури местные жители собирали деньги на восстановление старого спуска к воде. Потом решили не ограничиваться одним спуском. Теперь фонд поддерживал небольшие береговые работы и помогал организовать уборку в местах, куда трудно добраться обычной машине.

— Здесь есть состоятельные люди, которые рады пожертвовать, если сначала хорошо поужинают, — сказала она. — Я не вижу причины не накормить их.

Я посмотрела на свою пустую воду.

— Мне этот подход понятен.

— Большинство решений после еды проще.

— Не все, — сказала Дженни.

Клаудия посмотрела на неё с интересом.

— Вы занимаетесь делами семьи?

Подруга чуть задержалась.

— Пока больше своими. Подбираю помещение для магазина. У семьи сеть продуктовых магазинов, но я хочу отдельный проект.

Она ответила обычным голосом.

Без легенды, без красивой прибавки к собственности. Только в словах «отдельный проект» появилась знакомая твёрдость.

Клаудия кивнула.

— Сначала мучительная часть с помещением. Потом мучительная часть с людьми. Потом выясняется, что стены хотя бы не обижаются на ваш тон.

Дженни засмеялась.

— Я пока на стенах.

— Не выбирайте их из усталости. Я однажды так купила квартиру. Двенадцать лет каждое утро ругалась с лестницей.

Я посмотрела на бухту.

Богатые люди тоже могли неправильно выбирать лестницы. Хорошо было знать, что часть бедствий не зависит от дохода.

Клаудия помолчала.

Потом убрала чайник чуть дальше от края.

— Пэм, можно я буду называть вас так?

— Конечно.

— Вы вчера действительно очень внимательно смотрели на подвеску.

У меня мгновенно напряглись пальцы.

Она заметила.

— Я не к этому. Мне понравилось. Обычно сначала спрашивают цену, а потом уже решают, нужно ли восхититься. Вы смотрели на цвет.

Я сглотнула.

— Он менялся. В тени почти чёрный, а на свету синий.

Клаудия кивнула.

— Да. Именно.

Она посмотрела на море.

— Я помню его на шее у женщины, которая умела всю жизнь выглядеть так, будто её никто не может заставить торопиться. Ещё до того, как птица оказалась у меня. Иногда вещи сохраняют чьи-то движения лучше фотографий.

Я потрогала браслет.

Не специально. Просто пальцы нашли его, пока она говорила.

Клаудия посмотрела на мою руку.

— Семейный?

— Да. Папа починил.

Она не стала спрашивать, из какого металла, сколько лет, откуда у нас такой. Просто кивнула.

Дженни сидела тихо.

Впервые с утра я почувствовала, что перед нами человек, которому больно, а не только дорогая пропажа, из-за которой нам пришлось менять планы.

— Надеюсь, её найдут, — сказала я.

— Я тоже.

Клаудия взяла чашку.

На этот раз рука почти не дрожала.

Подруга спросила:

— Вы всё-таки будете на ужине?

— Да. Не вижу причины заставлять всех отменять то, ради чего собирались. Но коллекцию пока не показываю. Утренние деньги за приглашения вернут или перенесут на отдельную встречу. Это фонд решит с гостями.

— Нам сказали обратиться к Тессе, если есть вечерние места.

— Обратитесь. Она сейчас исправляет сразу несколько чужих расписаний. Но к четырём обещала быть здесь.

Клаудия посмотрела на меня.

— Только не приходите из обязанности. Вы приехали отдохнуть.

Я почти засмеялась.

— Это уже все успели сказать. Отдых пока не уведомили. Она улыбнулась.

К столику подошла Далия.

Белая блузка, собранные волосы, телефон на ремешке. На этот раз серебряный зажим держался на месте. Она остано-

вилась так близко, что я почувствовала знакомый сладкий запах.

Клаудия повернулась.

— Что?

— Нужна подпись на вечерний список. И Тесса спрашивала, как вас представить со сцены. Оставлять старый текст?

— Оставить только то, что я поддерживаю фонд. Без коллекции. Покажи список.

Далия открыла папку.

Клаудия взяла лист, быстро просмотрела, попросила исправить одно имя. Помощница кивнула.

Всё было совершенно обычным. Работа, список, чужое неверно напечатанное имя. Я смотрела на её телефон, потому что вчера указала на упавший зажим. Она заметила взгляд и придержала ремешок.

— Теперь крепко, — сказала она.

— Хорошо.

Далия улыбнулась.

Улыбка вышла маленькая. Усталая.

Клаудия поднялась.

— Спасибо за компанию. Надеюсь, следующий разговор будет про что-нибудь приятнее.

Мы попрощались.

Она пошла с Далией к галерее. Помощница держала папку двумя руками. Мне снова бросился в глаза тонкий шрам на пальце. Я посмотрела на свой браслет и вдруг устала от

того, что уже начинаю замечать у людей всё, что можно будет потом описать.

Дженни поднялась тоже.

— Она тебе верит, — сказала подруга.

Я покачала головой.

— Она не говорит, что знает. Это другое.

Дженни помолчала.

— Да.

Мы отошли от столика.

На открытой части террасы сотрудники меняли скатерти, ставили небольшие вазы, переносили стулья к отдельному входу. Вечер собирался состояться, несмотря на то, что утро не удалось.

Подруга остановилась у ограждения.

— Я хочу ей помочь.

Я посмотрела на неё.

— И себе, — добавила она. — И тебе. Я не буду говорить, что это только ради Клаудии.

Я кивнула.

Это было хотя бы честно.

В четыре Тесса уже сидела за небольшим столом возле входа на террасу.

Перед ней лежали два списка, ноутбук и стакан, в котором почти не осталось воды. Волосы она собрала карандашом. Я впервые за день увидела женщину, чей способ бороться с

красотой был мне близок.

Эстель стояла рядом и что-то объясняла с помощью руки.

Фэйт ждала у колонны.

Мы подошли.

— Вот они, — сказала Эстель. — Я вам про них говорила.

Наши соседки по завтраку.

Тесса подняла глаза.

Не посмотрела на накидку, которой на мне уже не было.

Не начала с неприятного утра. У неё имелись списки, и весь мир временно располагался между двумя их краями.

— Здравствуйте. Дженни и Пэм?

Подруга кивнула.

Я тоже.

Эстель представила нас полнее. Тесса проверила один лист.

— Освободились два места. Их можно оформить на вас, если вы хотите присутствовать. Это именно ужин фонда. Показа сегодня не будет.

Дженни спросила про оплату.

Тесса назвала сумму.

Я посмотрела на подругу.

Молча.

Очень содержательно.

Подруга повернулась ко мне.

— Свою часть я оплачу.

— Я слышала. Моя часть в этот момент слегка потеряла

сознание.

Тесса улыбнулась впервые.

— Если вам нужен просто вечерний ужин в гостинице, обычный ресторан работает как прежде.

Я кивнула.

У нас действительно был выбор. Никто не заставлял покупать чужой закрытый разговор под угрозой обвинения. Можно было вернуться в номер, надеть удобное, съесть включённое и попытаться не смотреть на людей.

Я вспомнила пустое место у Клаудии под горлом.

Потом слова Дженни про встречи, на которых её всегда знали как дочь.

Потом свою щеку на чужом экране.

Раздражение не исчезло. Но рядом с ним появился ещё один голос, не такой громкий: если сидеть только там, где никто не задаст вопрос, придётся провести остаток жизни в ванной.

— Я оплачу свою, — сказала я.

Дженни внимательно посмотрела на меня.

— Уверена?

— Не спрашивай второй раз. Я могу стать умнее.

Тесса объяснила, как оформить приглашения. Мы оплатили. Она записала наши настоящие имена, проверила, правильно ли написала фамилии, и выдала две плотные карточки с серебряной раковиной.

Я взяла свою.

Никогда ещё обыкновенный лист бумаги не требовал от меня столько доверия к собственному выбору.

— Вход в зал с семи сорока пяти, — сказала Тесса. — Ужин в восемь. Основная часть в открытом павильоне, затем гости смогут перейти на террасу. В закрытые помещения галереи сегодня не проходят.

— Сколько людей? — спросила Дженни.

— Около тридцати. Сейчас уточняем последние места.

— Нас посадят вместе?

Тесса посмотрела список.

— Да. За столом у террасы. Эстель и Фэйт будут рядом, за следующим.

Эстель одобрительно кивнула.

— Там тише.

Фэйт подошла ближе.

— До музыки.

Тесса засмеялась.

У неё зазвонил телефон. Она извинилась и ответила.

Пока она слушала, мужчина с бумажной сумкой подошёл к столу. Тот самый, которого мы видели с Грантом в холле. Сумка с раковиной была теперь сложена под мышкой, в руке он держал конверт.

Тесса закончила разговор.

— Оуэн, одну минуту. Сейчас отмечу новых гостей.

Мужчина посмотрел на Дженни.

— Стоун?

Подруга повернулась.

— Да.

— Простите. Случайно услышал. Та самая семья с магазинами?

Я почти физически почувствовала, как слово «дочь» снова собирается сесть рядом с ней без приглашения.

Дженни слегка улыбнулась.

— В семье есть магазины.

— Я Оуэн Марш. Мы пересекались с вашим отцом на одной деловой встрече. Давно, вы, возможно, ещё учились.

Подруга протянула руку.

— Дженни.

Он пожал её.

— Рад познакомиться. Не ожидал встретить здесь. Вы с семьёй?

— С подругой.

Я назвала себя.

Оуэн кивнул мне так же вежливо. Никакого узнавания, никакого специального лица. Профессионально любезный человек с конвертом.

— Будете сегодня на ужине?

— Да, — сказала Дженни.

— Замечательно. В таком случае увидимся. Меня тоже, кажется, посадили у террасы.

Тесса проверила.

— Да. За тем же столом.

Оуэн улыбнулся.

— Тем лучше. Расскажите, что у вас нового. Я слышал, следующее поколение обычно занимается расширением.

Подруга посмотрела на него.

Я успела увидеть, как привычная вежливая Дженни приготовилась сказать: «Нет, я пока ищу помещение для небольшого самостоятельного проекта». Объяснить. Уточнить. Снять с себя лишнее ожидание, чтобы никому не было неудобно.

Но она сказала:

— Сегодня я отдыхаю. Про дела, может быть, за ужином.

Оуэн засмеялся.

— Разумно. Здесь для них слишком красивый вид.

Тесса взяла его конверт и отвлеклась на список.

Мы отошли.

Эстель сразу заговорила про вечерние платья. Фэйт сообщила, что наденет те же брюки, потому что они уже пережили один ужин и не собираются показывать характер на втором.

Я ответила, что моё платье пока тоже ведёт переговоры.

Подруга молчала.

Когда пожилые женщины свернули к лифту, я остановилась.

— Джен.

Она повернулась.

— Что?

— Следующее поколение занимается расширением?

Подруга посмотрела на конверт с приглашением в своей руке.

— Он сказал. Не я.

— А ты очень удобно не сказала остальное.

Она подняла глаза.

— Я не обязана при первом знакомстве рассказывать всё.

— Не обязана.

Мы обе помолчали.

Я понимала, как это начинается. Лучше, чем хотелось бы. Ни одной лжи. Только немного места, которое оставляешь свободным, пока другой человек ставит туда то, что ему нравится. Потом узнаёшь, что пустое место уже работает на тебя. И очень жалко его испортить уточнением.

Дженни заметила мой взгляд.

— Мы просто познакомились.

— Да.

Я не добавила «пока».

Она и так слышала.

Телефон в моей сумке завибрировал.

На экране высветился контакт инспектора.

Я ответила сразу.

— Мисс Честерфилд, — сказала Брукс. — Уточню один момент. Вчера до ужина вы надевали эту накидку?

— Нет. Взяла за десертом, когда ветер подул.

— И после возврата сегодня на стойке вы её снова не бра-

ли?

— Не брала.

— Хорошо. Записала. Если вспомните, кто ещё был в таких же, сообщите. Не спрашивайте специально у гостей, только то, что видели сами.

Я назвала Эстель. Сказала, что уже упоминала общую полку и не следила за другими людьми в ресторане.

Брукс поблагодарила.

Пауза.

Я слышала на другой стороне какой-то голос и шорох бумаги.

— Можно спросить? — сказала я.

— Да.

— Они ведь не все одинаковые? Накидки.

— Мы сравниваем. Но пока я не буду комментировать проверку.

— Понимаю.

Инспектор уточнила, где мы будем вечером. Я сказала про ужин фонда, назвала время. Сама удивилась, как спокойно это получилось.

— На связи, пожалуйста, — сказала она.

— Буду.

Я убрала телефон.

Дженни ждала.

— Что?

Я пересказала.

Подруга посмотрела на карточку с раковиной.

— Значит, проверяют не только сходство.

— Надеюсь.

Мы пошли к номеру.

У лифта было пусто. В зеркале двери отражались две женщины с приглашениями. Одна держала плечо чуть выше, чем другое. Вторая была слишком спокойной для человека, у которого только что появился новый интересный знакомый и целый вечер свободных предположений.

Я посмотрела на наше отражение.

Вчера мы фотографировались здесь, потому что понравились себе.

Сегодня я старалась запомнить, какой была подруга до того, как ей предложили чужую роль.

В номере Дженни разложила приглашения на столе.

Я первым делом сняла сандалии. На ноге остался след от ремешка и ещё один маленький след от верёвки, которая пыталась сделать мой день разнообразнее.

Подруга подошла к шкафу.

Открыла дверцу.

Потом повернулась ко мне.

— У тебя вчерашнее платье нормально?

— Смотря для каких задач. Сидеть, есть, выглядеть человеком — справляется. Если нужно произвести впечатление на следующее поколение, я его не аттестовала.

Дженни улыбнулась.

Она достала своё тёмно-синее платье, посмотрела, приложила к себе и повесила обратно.

— Я надену другое.

Я подняла бровь.

— У тебя есть другое, о котором я не знала?

— Есть. На ужин.

— Мы уже были на ужине.

— На втором тоже можно.

Она вытащила из чехла платье глубокого зелёного цвета. Не пляжное, в котором обедала вчера. Другое. Ткань мягко держала форму, возле шеи был простой вырез, рукава короткие, юбка опускалась ниже колена.

Я посмотрела.

— Ты тайно упаковала человека, который умеет отдыхать красиво.

— Это просто платье.

— У тебя всё начинается со слова «просто».

Она приложила платье к себе перед зеркалом.

Мне не понравилось, насколько ей шло.

Не из зависти. Я давно знала, что рядом со мной подруга имеет право быть красивой. Просто в этом цвете, с прямой спиной, спокойным лицом и карточкой закрытого ужина на столе она выглядела женщиной, которой люди сами готовы рассказать лишнее.

Дженни посмотрела на меня в зеркало.

— Ну?

— Хорошо.

— Сегодня опасное слово.

Я засмеялась.

Она тоже.

И напряжение снова отступило ровно настолько, чтобы мы могли разложить на кровати одежду, выбрать серьги и обсудить, какие сандалии выдержат приличный вечер без хирургического вмешательства.

Я взяла свои.

Протёрла пыль салфеткой.

Телефон лежал рядом. Ни новых сообщений от инспектора, ни чужих просьб, ни срочного желания купить мне свободу не было.

Дженни стояла у зеркала и репетировала улыбку.

Нет, я не сразу назвала это репетицией. Сначала подумала: смотрит, удобно ли ей. Потом она чуть изменила наклон головы и сказала негромко:

— Да, я слышала об этом проекте.

Я подняла глаза.

Подруга увидела меня в отражении.

— Что?

— Ты о каком проекте слышала?

Она улыбнулась уже мне, своим обычным лицом.

— Ни о каком. Представила разговор. Вечером все наверняка будут говорить о том, что знают.

Я положила сандалию.

— Можно сказать, что не знаешь.

— Можно.

Она сняла платье с плеч и осторожно положила на кровать.

Я хотела добавить ещё что-нибудь. Про чужие ожидания. Про то, что иногда ложь успевает начаться раньше, чем ты произнесёшь первое неверное слово. Про то, что мой отпуск уже знает, как выглядит женщина, которую придумали другие люди.

Не добавила.

Дженни имела право на вечер. На новое платье. На красивый разговор, который пока никого не обманывал.

Я взяла свою карточку с раковиной и положила в сумку рядом с контактом инспектора.

Приглашение и полиция оказались слишком близко друг к другу.

Наверное, это и называлось удачной организацией отдыха.

— Договоримся об одном, — сказала я.

Подруга повернулась.

— О чём?

— Если станет неудобно, мы не будем придумывать, чтобы было красиво. Просто скажем друг другу.

Дженни посмотрела на меня внимательно.

Не засмеялась.

— Договорились.

Я кивнула и снова взяла сандалию.

Из открытой двери балкона доносилась музыка. У бассейна всё ещё отдыхали люди, которым ничего не нужно было объяснять про девять четырнадцать. Вечер обещал быть тёплым. Ужин — дорогим. Знакомства — полезными.

На столе лежали две карточки с нашими настоящими именами.

Пока этого должно было хватить.

Глава третья

— Скажи что-нибудь богатое, — попросила Дженни.

Я посмотрела на неё, потом на две карточки, лежавшие на столе, потом на своё платье. Платье со вчерашнего вечера успело побывать на ужине, в лифте, на стуле и в моих планах на счастливую жизнь. Сейчас оно выглядело так, словно планы ему не понравились.

— У меня есть второй пакет для мусора.

— Пэм.

— Целый. Без дырки. Могу выбросить сразу две неудачные судьбы.

Дженни стояла перед зеркалом босиком, держа зелёное платье за плечики. Из коридора доносился глухой стук колёс: кто-то катил чемодан. Я прислушалась. Ещё вчера такой звук означал, что люди приехали отдыхать. Теперь мне казалось, что каждая вещь в отеле куда-то едет с важной целью, а я одна осталась на месте и должна объяснить почему.

— Я не собираюсь никого изображать, — сказала Дженни.

— Тогда зачем тебе репетиция богатства?

— Чтобы не сидеть весь вечер с лицом, будто меня позвали вымыть пол.

— Я могу сесть с таким лицом за нас обеих. У меня диплом без приложения.

Она улыбнулась, но платье не опустила.

Мне хотелось, чтобы она просто переделалась. Застегнула молнию, поправила волосы и стала моей подругой, с которой можно поспорить, сколько стоит вода в бутылке. Не девушкой, которая вдруг почувствовала, что у неё есть шанс войти в новую жизнь через дверь, открытую чужой ошибкой.

Оуэн Марш знал её фамилию. Слышал про сеть магазинов её отца. Этого оказалось достаточно, чтобы посмотреть на Дженни иначе. Будто до знакомства с фамилией перед ним стоял человек, а после — приложение к крупному состоянию.

Я прекрасно понимала удовольствие, которое приносит такой взгляд. В моей прежней работе люди тоже охотно додумывали за меня. Иногда даже быстрее, чем я успевала вытащить из сумки подготовленную историю.

От этого понимания легче не становилось.

— Нам не обязательно понравиться всем, у кого дорогие запонки, — сказала я.

— Я хочу понять, что случилось. Оуэн знает Гранта. За нашим столом наверняка будут и другие знакомые организаторов. Если мы просто просидим весь вечер, зачем вообще шли?

— Ради ужина, — сказала я.

— Ты ведь тоже хочешь найти ту женщину.

Я хотела. Ещё я хотела, чтобы девять четырнадцать снова стало обычным временем, когда можно лежать в кровати, чесать коленку и не знать об этом ничего. Но телефон молчал.

— Хочу, — ответила я. — Только для этого не обязательно становиться другой.

— А я и так всё время для кого-то другая. Для отца — недостаточно деловая. Для мамы — слишком самостоятельная. Для людей, которые знают нашу фамилию, — девочка, которой нечем заняться. У меня даже собственный магазин пока существует в виде вопросов про аренду. Сегодня можно хотя бы не начинать знакомство с объяснения, чего я ещё не сделала?

Я посмотрела на неё внимательнее.

У Дженни редко случались такие длинные речи. Обычно она сначала приводила в порядок чувство, а потом показывала его миру уже аккуратно сложенным. Сейчас чувство торчало наружу, как край простыни из чемодана.

— Можно, — сказала я. — Просто не зашивай этот край так, чтобы потом пришлось резать весь чемодан.

— Это очень странное напутствие.

— У меня богатое. Ты просила.

Она засмеялась и наконец пошла в ванную.

Я осталась с платьем. На подоле обнаружилась серая полоска. Я потёрла её влажным полотенцем, получила большое мокрое пятно и следующие пять минут пыталась высушить ткань феном.

Я выключила фен.

Телефон показал сообщение от Джошуа: «Как плечо?»

Мне хотелось написать: «Лучше, чем репутация». Я даже

набрала эти слова, но стёрла. Не потому, что ему нельзя было знать. Он уже знал достаточно, чтобы не задавать лишнего. Просто я устала описывать себя через несчастье.

«Красное. Но уже не пытается отделиться от остального тела».

Он спросил, есть ли у нас планы на вечер. Я написала про ужин и обещала сообщить, когда вернёмся.

«Хорошо. Ешь что-нибудь настоящее».

Я положила телефон экраном вниз. Это было разумное пожелание. В дорогих местах настоящее часто проигрывает красивому. Получаешь тарелку, на которой повар выразил тревогу, а потом покупаешь бутерброд, чтобы тревога не урчала.

Дженни вышла в халате, с влажными волосами.

— Что смешного?

— Мне велели есть настоящее.

— Джошуа?

— Нет, мой гастроэнтеролог. Он тоже пишет сердечки, но исключительно из профессиональной жалости.

Она не стала поддевать меня. Только улыбнулась и достала расчёску.

Пока Дженни сушила волосы, я наконец высушила подол. Потом надела платье и обнаружила, что молния не желает встречаться с верхней точкой. Это случалось и раньше. Обычно я объясняла происходящее влажностью, усадкой ткани и несправедливым устройством позвоночника.

Сейчас можно было добавить тяжёлое утро. Оно хотя бы существовало.

— Помоги, — сказала я.

Дженни подошла, взялась за бегунок и очень мягко потянула.

— Выдохни.

— Я и так весь день не дышу нормально.

— Сейчас специально.

Я выдохнула. Молния поднялась на два сантиметра и остановилась.

— Ещё.

— Дальше у меня уже предки начнут выдыхать.

Она проверила ткань, высвободила край подкладки и застегнула платье без всякого героизма.

— Тут попало внутрь.

— То есть дело не во мне?

— В этот раз нет.

Это была такая прекрасная фраза, что её следовало вышить на полотенце и брать с собой в трудные дни.

Я повернулась к зеркалу. Светлое платье выглядело терпимо. Плечо всё ещё напоминало, что вчера я слишком долго просидела на солнце, но рукав прикрывал большую часть красноты. Сандалии не пытались сделать меня выше, тоньше или счастливее. За это я уже уважала их сильнее многих людей.

Дженни переодевалась за приоткрытой дверью ванной. Я

услышала короткий шорох, потом осторожное:

— Пэм?

— Если молния опять хочет поговорить со мной, передай, что я занята.

— Нет. Посмотри.

Она вышла.

Тёмно-зелёное платье было простым. Никаких драгоценных обещаний. Короткие рукава, спокойный вырез, мягкая ткань, которая не спорила с телом. На Дженни оно вдруг стало вещью из того мира, где люди умеют выходить из машины, не зацепив сумкой дверную ручку.

— Хорошо, — сказала я.

— Просто хорошо?

— Очень. Но если я скажу подробнее, ты решишь, что у меня температура.

Она посмотрела на себя сбоку, поправила волосы за ухом и взяла маленькую сумку.

— Серёжки?

— Те, которые ты сможешь найти после ужина.

— Это ограничивает выбор.

— У тебя ещё есть весь мир. У меня — резинка и покаяние.

Мы накрасились по очереди. У зеркала хватало света, но мне всё равно удалось попасть тушью туда, где ресницы не предусмотрены природой. Дженни молча подала ватную палочку. Мы проделывали это столько лет, что помощь уже не

нуждалась в комментарии.

Потом я наткнулась на карточку инспектора Брукс.

Края были ровными. Визитка не пыталась меня осудить. Я всё равно убрала её в отдельный кармашек, будто она могла испачкать помаду.

— Ты взяла телефон? — спросила Дженни.

— Да.

— И карточку?

— Да.

Она кивнула. Без торжественности. Как проверяют ключи перед выходом.

Мы вышли из номера раньше, чем требовалось. Я предположила прийти заранее и посмотреть, куда можно безопасно сесть. Это не была трусость. Это была дружба со стулом до первого конфликта.

В коридоре пахло чистым бельём. У дальнего окна стояла Айрис и складывала несколько полотенец на тележку. Увидев нас, она улыбнулась.

— Хорошего вечера.

— Вам тоже, — ответила Дженни.

Я тоже пожелала ей хорошего вечера. Не спросила, где она была утром. Не стала проверять, на каком полотенце могло остаться преступление. Просто прошла мимо женщины, у которой был рабочий день, и почему-то почувствовала от этого небольшое облегчение.

У лифта Дженни нажала кнопку.

— Ты сегодня не будешь обсуждать запись со всеми подряд? — спросила она тихо.

— Я вообще мечтаю обсудить с кем-нибудь картофель.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Картофель редко задаёт неприятные вопросы.

Двери открылись. В кабине ехали Эстель и Фэйт.

Эстель надела тёмно-синее платье и те же серьги-листья, которые заметно веселее неё переживали весь этот день. Фэйт держала в руках тонкую вечернюю сумку так, словно внутри лежали не деньги и помада, а все правила приличия, причём в правильном порядке.

— Вот и наши красавицы, — сказала Эстель.

— Это вы про неё? — я указала на Дженни. — Меня лифт взял из жалости.

— Я про обеих. И прошу не спорить до ужина. Споры портят пищеварение.

— Значит, я всю жизнь худела неправильным способом.

Фэйт посмотрела на мой подол.

Я напряглась.

— У вас там ниточка, — сказала она.

Это была именно ниточка. Маленькая, светлая и свободолюбивая. Фэйт предложила ножницы, которые, оказывается, находились в её сумке рядом со всеми правилами приличия.

— Вы носите ножницы на благотворительные вечера? — спросила я.

— Я ношу ножницы туда, где могут понадобиться ножни-

цы.

— Очень широкое понятие.

— Именно.

Она отрезала нитку быстро и спокойно, вернула ножницы в чехол и снова стала человеком, к которому не стоит приставать с глупостями.

Я же задумалась, как много неприятностей моей жизни можно было предотвратить, если бы рядом вовремя оказалась Фэйт с правильно подобранным предметом.

Внизу обычная жизнь отеля продолжалась. Гости подходили к стойке, кто-то просил заказать машину, возле входа ребёнок сердился на шляпу. Селия объясняла мужчине, что ужин в ресторане начнётся в обычное время. Он спрашивал второй раз, она отвечала второй раз, и ни у кого на лице не возникало желания поджечь стойку. Профессионализм — страшная сила.

Мы прошли через холл к террасе.

Возле двери в павильон стояла Тесса с планшетом. Рядом молодой сотрудник раскладывал программы. На обложке была серебристая ракушка. Я уже встречала её на папке, пакете, карточках. Если продолжать в том же темпе, к концу недели ракушка появилась бы на моей медицинской карте.

— Вы рано, — сказала Тесса, увидев нас. — Это прекрасно. Можно спокойно проверить имена.

Она сверила карточки со списком и попросила сотрудника показать стол.

— Я думала, сейчас нам выдадут задания, — призналась я.

Тесса подняла глаза.

— Вам?

— Я начинаю подозревать любую женщину со списком. Обычно после этого приходится двигать мебель.

Она рассмеялась.

— Сегодня достаточно поужинать. Хотя, если кто-нибудь снова попросит перенести стол ближе к морю, я вспомню о вашем предложении.

— Предложения не было. Была травма.

Стол действительно стоял на террасе. Не у самого края, откуда красивый вид обычно сопровождается страхом выронить вилку в океан, а чуть дальше, под светлым навесом. На белой скатерти лежали карточки с именами. В центре — низкая композиция из зелени и мелких белых цветов. Никаких тяжёлых ваз на уровне локтя. Организаторы явно пережили какую-то беду и сделали выводы.

Наши места оказались рядом. Через одно от Дженни значилось имя Оуэна Марша. Ещё две карточки я прочла без особого интереса: Вивьен Слоун и Тристан Кейл.

— Кейл, — повторила я. — Надеюсь, это человек, а не салат.

— Пэм.

— В семье веганов такие вещи нужно уточнять заранее.

У соседнего столика Эстель уже обсуждала с сотрудником

направление вечернего ветра. Фэйт проверила, не качается ли стул, и села. Я наблюдала за этим с завистью. Некоторым людям удаётся превратить даже отдых в хорошо организованную оборону.

Нас попросили пока пройти в павильон, где подавали напитки. Я выбрала воду. Дженни тоже. На высоком столике стояли маленькие закуски, похожие на серьги, которые забыли выдать гостям.

Я взяла одну.

Внутри оказалось что-то сладкое, солёное и очень уверенное в себе.

— Что это? — спросила я у официанта.

Он назвал три ингредиента. Я узнала один и решила на нём остановиться.

— Вкусно, — сказала Дженни, попробовав такую же.

— Да. Только еда должна знать, когда закончить знакомство.

У входа появилась Клаудия Морроу.

Без подвески она выглядела почти так же, как днём. Красивое серое платье, короткие светлые волосы, ровная спина. Разница была в том, как она держала правую руку: время от времени касалась пустого места у шеи, замечала это и опускала пальцы.

Я отвела глаза. Есть жесты, на которые неловко смотреть, если человек не собирался их показывать.

Тесса что-то сказала Клаудии. Та кивнула, оглядела пави-

льон и увидела нас.

— Вы пришли.

— Нам объяснили, что будет ужин, — сказала я. — Такие аргументы на меня действуют.

Клаудия улыбнулась, но улыбка быстро исчезла. Не демонстративно. Просто ей пришлось удерживать слишком много всего сразу.

— Рада, что вы здесь, — сказала она Дженни. — Надеюсь, разговоры не отобьют у вас желание открыть свой магазин.

— Скорее наоборот.

— Тогда не позволяйте никому объяснить вам, что маленькое дело хуже большого. Большое очень часто начинается с чужих советов и заканчивается чужими требованиями.

— Вы уже успели встретить Оуэна? — спросила Дженни.

— Видела его у входа. Он умеет представить любой разговор как начало крупного проекта. Не спешите соглашаться, если пока собирались просто поужинать.

Она сказала это легко, почти шутя. Дженни улыбнулась в ответ.

Я выпила воды.

Вот он, момент, когда можно было спокойно остаться собой. Сказать: «Да, сегодня только ужин». Положить на стол честную маленькую жизнь и посмотреть, кому она интересна.

Но Оуэн ещё не подошёл. Предупреждения всегда звучат разумнее до появления человека, которого они касаются.

Клаудию отвлекла женщина с короткой стрижкой и стопкой программ. Потом возле неё возникла Далия.

Белую дневную блузку она сменила на чёрное платье с простыми рукавами. Волосы были собраны на затылке. Телефон висел на ремешке; серебристый зажим блеснул, когда она повернулась к свету.

— Последний порядок выступлений, — сказала она Клаудии. — Тесса просила проверить только ваше вступление.

— Там не должно быть длинного вступления.

— Две минуты.

— Тогда я проверю, чтобы действительно две.

Далия протянула листы. На указательном пальце был тот же тонкий след, который я заметила днём. Обычный шрам. Ничего, из-за чего разумный человек должен был бы немедленно строить теорию преступления.

Она поздоровалась с нами и спросила, нашли ли мы свой стол.

— Да, — ответила Дженни.

— У вас хороший вид. Ветер сейчас с другой стороны, будет спокойнее.

— Отлично, — сказала я. — Мне достаточно, чтобы сегодня меня двигали только собственные ноги.

Далия улыбнулась. Не натянуто, не виновато. Нормально. На одну короткую секунду она оказалась обычной девушкой, которой тоже смешно.

Потом её телефон завибрировал.

Она посмотрела на экран, убрала его в сумку и снова спросила Клаудию про листы. Клаудия подписала маленькую пометку внизу страницы.

Я ничего не узнала. Только снова почувствовала грушевый сладкий запах, который уже несколько раз цеплялся за воздух возле этой девушки.

Дженни слегка тронула мой локоть.

— Не смотри так внимательно, — сказала она, когда Клаудия и Далия отошли.

— Я смотрела на платье.

— У тебя лицо, будто платье должно предъявить документ.

— Оно чёрное. У таких всегда есть секреты.

Дженни покачала головой и взяла вторую закуску.

Мне пришлось признать, что она права. Если я буду превращать каждое чужое движение в улику, к концу вечера подозреваемых станет больше, чем гостей. А единственным надёжным фактом останется то, что я неприятная женщина возле еды.

— Мисс Стоун?

Оуэн Марш подошёл с бокалом в руке.

Теперь на нём был светлый пиджак. Днём он выглядел человеком, которому удобно разговаривать, вечером — человеком, которому удобно, когда остальные слушают. Разница была небольшой, но дорогой.

— Дженни, — сказала она. — Можно просто Дженни.

— Тогда Оуэн. Памела, рад снова увидаться.

— Пэм.

— Разумеется.

Он произнёс это так, словно сокращённые имена были давними партнёрами его компании.

— Удалось немного отдохнуть? — спросил он.

— Немного, — ответила Дженни.

— Здесь трудно делать что-то другое. Хотя сегодня у всех, кажется, больше разговоров, чем моря.

Я ждала продолжения про пропавшую вещь. Оно не последовало. Оуэн посмотрел в сторону Клаудии, потом перевёл взгляд на нас.

— Хорошо, что вечер всё-таки состоялся. Фонд много сделал после зимнего шторма. С некоторыми людьми здесь полезно познакомиться даже тем, кто приехал исключительно за солнцем.

— Я приехала ещё за завтраками, — сказала я.

— Тогда вам повезло вдвойне.

Он улыбнулся мне без раздражения. Это осложняло дело. Гораздо удобнее опасаться человека, который сразу похож на мерзавца.

— Вы давно знакомы с миссис Морроу? — спросила Дженни.

— Лет пять. Через проекты у побережья. Я консультирую владельцев небольших гостиниц и частных клубов, иногда помогаю найти людей для вложений. Ничего романтически-

го: договоры, подрядчики и вечные жалобы на ветер.

— Ветер бывает очень убедительным, — сказала я.

— Особенно когда смета составлена без него.

Оуэн снова улыбнулся. Я уже начинала подозревать, что он способен улыбаться даже налогу.

— Ваш отец когда-то интересовался торговыми площадями в одном из наших проектов, — сказал он Дженни. — До договора не дошло, но разговор был приятный. Он умеет быстро понять, где настоящая работа, а где красивая картинка.

— Умеет, — сказала она.

Это было правдой. Её отец умел понимать множество вещей. Только понимание и применение редко жили у него в одной комнате.

— А вы сейчас тоже смотрите новые направления?

Дженни слегка повернула бокал в ладони.

Я увидела паузу. Не долгую. Как раз такую, в которой человек успевает выбрать, какую дверь открыть.

— Я рассматриваю несколько возможностей, — сказала она.

Оуэн кивнул.

Пока всё ещё можно было вернуться. Возможностями могли быть помещения для магазина, новые поставщики, даже попытка не испачкать платье за ужином.

— Семейный капитал? — уточнил он.

И Дженни сказала:

— Частный. Я представляю интересы семьи и могу самостоятельно выбирать, что нам подходит.

Я поставила стакан на столик слишком резко.

Вода качнулась и выплеснулась мне на пальцы.

Оуэн обернулся.

— Всё в порядке?

— Да. У меня вода не согласна с формулировкой.

Дженни посмотрела на меня.

Я достала салфетку, вытерла руку и не сказала больше ничего. Для первого возражения публика была неподходящей.

— Это разумно, — сказал Оуэн. — Новый взгляд часто полезнее привычных связей. Но надеюсь, никто не вынуждает вас превращать отдых в работу.

— Никто, — ответила Дженни.

И это тоже было правдой. От которой первая ложь не стала меньше.

Оуэн не успел развить тему. Тесса подошла к микрофону у выхода на террасу и попросила гостей занять места. Он показал нам, куда идти, хотя мы уже знали, и по дороге поздоровался с тремя людьми, двух назвав по имени, а третьего — по названию проекта.

Дженни шла рядом со мной.

— Потом, — прошептала она.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты очень громко молчишь.

— Это бесплатная часть программы.

Она опустила глаза, но не стала притворяться, что не понимает.

За нашим столом уже сидела женщина лет сорока пяти. Короткие тёмные волосы, тонкие золотые серьги, платье цвета сливочного масла. Не того масла, которое намазывают на хлеб, а того, которое фотографируют рядом с вином и никогда не едят.

— Вивьен, — представил её Оуэн. — Дженни Стоун, Пэм Честерфилд.

Вивьен Слоун посмотрела на нас открыто и без спешки.

— Очень приятно. Надеюсь, вам достались удобные стулья. Мой выглядит прекрасно, но хочет, чтобы я весь вечер сидела смирно.

Я тут же почувствовала к ней симпатию.

— Мой пока не высказался. Мы только знакомимся.

— Дайте ему десять минут.

Она убрала со своего места маленькую сумку. На запястье я заметила тонкие часы без крупных камней. Вивьен не выглядела женщиной, которая боится, что её случайно сочтут бедной.

Последним пришёл Тристан Кейл.

Он был моложе Оуэна, с тёмными волосами и лицом, на котором усталость не портила дорогую стрижку. В руке держал программу, сложенную пополам. Поздоровался, извинился за задержку и сел между Вивьен и Оуэном.

— Вас опять поймали у картин? — спросила Вивьен.

— У фотографий. Тесса попросила подсказать, как лучше повесить две работы перед завтрашней встречей. Они сейчас спорят со стеной.

— Стена выиграет, — сказала я.

— Вы её знаете?

— Я видела много стен. Очень упрямый народ.

Он засмеялся. Не вежливым смешком, который выдают людям, сидящим за тем же столом, а коротко и неожиданно.

Мне стало чуть спокойнее.

Официант разлил воду. Другой предложил вино. Я отказалась, Дженни попросила немного белого. Оуэн выбрал то же. Вивьен посмотрела на бутылку и сказала, что начнёт с воды. Тристан вообще не заметил предложения: он убирал программу под тарелку, потом вспомнил, что тарелку будут уносить, и переложил её к сумке.

Ничего преступного. Люди устраивались за ужином.

Я села осторожно. Платье не порвалось, стул не подломился, никто не попросил меня рассказать о себе. Первые тридцать секунд вечера оказались весьма успешными.

На стол принесли хлеб.

Я взяла кусочек и почти почувствовала, как весь организм аплодирует.

— Вы давно на острове? — спросила Вивьен.

— Со вчерашнего дня, — ответила Дженни.

— Тогда ещё всё впереди. Я в третий раз и всё равно каждый раз привожу домой больше керамики, чем собиралась.

— Звучит опасно, — сказала я. — У меня с керамикой напряжённые отношения.

— Разбиваете?

— Иногда ещё до знакомства.

— Тогда покупайте здесь стекло. Оно честнее: сразу предупреждает, чем всё закончится.

Мне всё больше нравилась эта женщина. Возможно, симпатия объяснялась тем, что она не спросила, в каком бизнесе я работаю. А возможно, тем, что позволяла себе сидеть с чуть неровно лежащей салфеткой.

Дженни спросила, где на острове делают керамику. Вивьен объяснила про старый город, магазин у маленького рынка и мастерскую, в которой нельзя торговаться, зато можно долго смотреть на полки.

— Там рядом ещё ювелирная мастерская, — добавил Тристан. — На той же улице, ближе к ступеням. Но утром открывают позднее сувенирных лавок.

— Вы занимаетесь украшениями? — спросила Дженни.

— Иногда. Больше предметами для частных собраний: небольшие картины, стекло, вещи с понятной историей. Помогаю владельцам и покупателям разобраться друг с другом до того, как они окончательно возненавидят документы.

— Значит, не салат, — сказала я.

Все посмотрели на меня.

Я почувствовала, как мой рот снова ушёл гулять без сопровождения.

— Ваша фамилия. Кейл. Я подумала про капусту. С детства боюсь сюрпризов в составе ужина.

Тристан улыбнулся.

— Мне уже предлагали придумать другой рабочий адрес. Но клиенты запоминают.

— Это хорошо. Меня тоже запоминают. Только обычно потом просят не трогать дверь.

Официант поставил перед нами закуску. На тарелке лежало достаточно еды, чтобы отношения с вечером наладились ещё немного.

Тесса подошла к микрофону и поблагодарила гостей. По голосу было слышно, что ей пришлось переделывать программу, звонить людям и объяснять одно и то же так часто, что слова уже утратили собственную жизнь.

Она говорила о фонде. О зимнем шторме, после которого несколько маленьких пристаней остались без лестниц и настилов. О волонтерах, которые убирали обломки у воды. О мастерских, приславших материалы. О людях, которым было трудно спуститься к берегу даже до шторма.

Я слушала и вдруг перестала думать о папках.

Потом заговорила Клаудия.

Она уложила в свои две минуты. Рассказала, как впервые приехала сюда после шторма и встретила женщину, которая каждый день обходила закрытый спуск, чтобы добраться до маленького пляжа. Не потому, что хотела любоваться морем. Там работала её сестра, и женщина приносила

ей обед.

— Иногда мы слишком долго обсуждаем, как сделать место красивым, — сказала Клаудия. — А человеку нужно, чтобы до него можно было дойти.

Она поблагодарила тех, кто уже помог, и вернулась на место.

Ни подвески, ни пропажи, ни красивого намёка на собственную беду. Я увидела, как она взяла стакан и отпила воды. Далия стояла сбоку у выхода, прижимая программу к животу. Рядом с ней разговаривала Нора. У Норы была тёмная папка. Наверняка внутри находились листы. Я старалась помнить, что листы имеют право существовать без моего подозрения.

— Хороший фонд, — сказал Оуэн.

— Вы участвуете в проектах? — спросила Дженни.

— Иногда нахожу подрядчиков. Иногда людей, которым легче выделить деньги, чем время. Сложнее всего объяснить, что небольшой результат тоже стоит усилий.

— А вам? — Вивьен посмотрела на Дженни. — Что ближе: деньги или время?

Дженни не ответила сразу.

Я даже успела подумать, что она сейчас скажет честно.

— Зависит от проекта, — произнесла она. — Мне хочется видеть, как всё работает.

Вивьен кивнула. Этого оказалось достаточно.

Никто не требовал выписки со счёта. Не было труб, фан-

фар, грома. Дженни просто сказала несколько слов, и люди подвинули ей кусочек пространства, где раньше стояла другая девушка.

Она заметила это. Я увидела по тому, как выпрямилась её спина.

Принесли следующее блюдо. Оуэн заговорил о небольшом клубе на другом конце острова, который собирался обновить террасу и открыть несколько гостевых комнат. Он не уговаривал вложиться. Рассказывал, как человек, которому привычно иметь рядом слушателя с возможностями.

Дженни задавала вопросы.

Хорошие вопросы. Про сезон, про постоянных сотрудников, про то, кто отвечает за обслуживание зимой. Я знала, откуда они взялись. Она месяцами читала договоры на помещения и спрашивала о вещах, которые хозяева предпочитали объяснять после подписи.

Оуэн отвечал с интересом.

Я ела и чувствовала странную смесь раздражения с гордостью. Дженни не была пустой куклой в хорошем платье. Её голова работала. Именно поэтому происходящее казалось опаснее: лож держалась на настоящих умениях, и людям было легко в неё поверить.

— Вы очень основательно подходите, — сказал Оуэн.

— Я не люблю сюрпризы после того, как приняла решение.

Я чуть не поперхнулась.

Вивьен пододвинула мне воду.

— Осторожнее.

— Спасибо. Очень сильная мысль.

Дженни не посмотрела на меня.

Тристан слушал вполуха. Он следил за тем, как официант снимает тарелку Вивьен, и аккуратно отодвинул её сумку от края. Когда она поблагодарила, пожал плечами.

— В прошлый раз сумка попала на поднос.

— И уехала на кухню, — сказала Вивьен. — Пришлось доказывать, что я не заказала её на вынос.

— У вас забавные ужины, — заметила я.

— У нас обычные. Просто люди потом рассказывают только то, что хорошо выглядело.

Я решила, что могла бы сидеть рядом с Вивьен весь вечер. Она не пыталась сделать меня менее неловкой, и от этого неловкость занимала меньше места.

На соседнем столике Эстель показывала кому-то серьги. Фэйт слушала мужчину, который явно говорил уже давно. Она не перебивала. Но смотрела на него так, что я на его месте ускорила бы речь хотя бы из уважения к выживанию.

У выхода появился Грант.

Светлый костюм, открытая улыбка. Он остановился возле Тессы, наклонился к ней, что-то объяснил. Тесса покачала головой и показала на программу. Грант улыбнулся шире. Потом перестал. Она осталась при своём.

Мне понравилось, что в мире существовали люди, для ко-

торых его улыбка не была готовым ответом.

Он прошёл к столу Клаудии, постоял рядом, кивнул кому-то ещё. Далия в это время открыла свою сумку, достала тонкий конверт с ракушкой и передала его Норе. Нора проверила надпись и отнесла конверт Тессе.

Я проводила его взглядом.

— Программы пожертвований, — сказал Тристан.

Я обернулась.

— Что?

— Конверт. Вы так смотрели, будто внутри крохотная бомба. У меня такой же. Всем, кто помогает организаторам, раздали бумаги по итогам прошлого года и карточки для пожеланий.

— А ракушка?

— Клаудия использует её давно. Её коллекция, частные вечера, некоторые письма. Фонду разрешила тоже. Тесса говорила, печатать новое оформление было бы дороже.

— То есть это не знак тайного общества?

— Если и знак, они слишком легко принимают туда людей.

Он показал мне свою программу. На последней странице была та же ракушка.

Я почувствовала себя глупо, но полезно глупо. Подозрение иногда напоминает брюки неподходящего размера: вроде закрывает нужное место, а двигаться уже невозможно.

— Спасибо, — сказала я.

— За отсутствие тайного общества?

— За уменьшение количества работы.

Тристан внимательно посмотрел на меня, но вопросов не задал.

Дженни перевела разговор на коллекции. Сначала спросила про картины. Потом про то, часто ли владельцы одалживают вещи для таких вечеров.

Я ощутила, как наше спокойное сидение за ужином снова приобрело направленность.

— Часто, — ответил Тристан. — Но то, что висит в доме, и то, что можно показывать на выезде, не всегда одно и то же. Документы, условия хранения, состояние предмета. Владелец думает о красоте, сотрудник — о том, кто подпишет возврат.

— Вы работали с коллекцией миссис Морроу?

— Несколько раз описывал отдельные предметы для каталога. Небольшая часть коллекции. У неё есть вещи, которые она никому не предлагает и очень редко показывает.

— Украшения тоже?

Он задержал взгляд на Дженни.

— Тоже. Но сегодняшний случай я обсуждать не могу. И знаю, вероятно, меньше, чем люди, которые занимаются им официально.

— Конечно, — сказала она. — Я не об этом. Просто вчера видела подвеску. Очень необычная.

— Да.

Это «да» было коротким. Без продолжения.

Оуэн подхватил разговор:

— Здесь все немного взбудоражены. Я советовал Гранту не пытаться сегодня превращать ужин в обсуждение коллекции. У фонда свои задачи.

— Он занимается организацией таких показов? — спросила Дженни.

— Показов, перевозок, встреч с владельцами. Внешний координатор, если одним словом. Не директор отеля, как его иногда называют гости.

Я вспомнила утро. Грант сидел в кабинете так уверенно, что мне хотелось спросить, на какой именно должности ему выдали право смотреть на меня с подозрением. Оказалось, право было его собственным изобретением.

— А вы вместе работаете? — спросила я.

— Бывает, — ответил Оуэн. — Я знакомлю людей. Он берётся за практическую часть. Но на остров приехали независимо. У меня здесь встреча в понедельник.

— Значит, вы тоже не совсем отдыхаете.

— К сожалению.

Он улыбнулся. Я снова не обнаружила в нём ничего удобного для обвинения.

Тесса попросила внимания.

Следующая часть вечера была короткой: несколько благодарностей, потом розыгрыш подарков от местных мастеров. Не аукцион украшений, не продажа коллекции. На

длинном столе у микрофона стояли корзина с местными сладостями, керамическая чаша, два билета на прогулку по саду и большой свёрток, который я приняла за одеяло.

— С самого начала хочу сказать, — объявила Тесса, — никто не обязан принимать подарок. Если вам неудобно везти его домой, мы найдём другой способ передать его победителю.

— Разумная женщина, — сказала Вивьен. — В прошлый раз я выиграла растение размером с мой багажник.

— И что сделали?

— Подарила хозяину дома, где остановилась. Он потом прислал фотографию. Растение прекрасно, хозяин выглядит усталым.

Мне нравились подарки, которые можно съесть. Остальные рано или поздно начинают требовать свободного пространства и внимания.

Сотрудник принёс к столам небольшие карточки. Оказалось, номер уже был вписан в нашу программу. У меня — сорок семь, у Дженни — сорок восемь.

Я посмотрела на свои цифры без энтузиазма. Удача редко приходила ко мне с предметом, который помещался в сумку.

Тесса вытащила первый номер.

Сладости достались пожилому мужчине за дальним столом. Он поднялся с таким счастливым видом, что я простила ему всё, о чём ещё не знала.

Керамическую чашу выиграла женщина рядом с Клауди-

ей. Вивьен тихо вздохнула.

— Хотели её? — спросила Дженни.

— Да. Но, возможно, мои полки благодарны за исход.

Потом объявили сорок семь.

Я продолжала смотреть на чашу. Дженни коснулась моей руки.

— Пэм.

— Что?

— Твой номер.

Я подняла программу.

Цифры всё ещё были там. В отличие от моей способности спокойно вести себя на людях.

— Поздравляю, — сказал Тристан.

— Не торопитесь. Сначала выясним, что оно ест.

Оказалось, я выиграла большой пляжный коврик ручной работы.

Тесса развернула часть свёртка. Ткань была красивая, плотная, с синими и белыми полосами. Две длинные завязки свисали сбоку.

— Можно использовать на пляже или на террасе, — объяснила она, пока я шла между столами. — Очень удобная вещь.

Люди хлопали.

Я улыбалась. Нормальные люди умеют улыбаться, пока идут. У меня эти действия часто конкурируют за одну и ту же часть мозга.

У стола Тесса передала мне коврик. Свёрток оказался лёгким, но широким. Я взяла его поперёк груди, потом ниже, потом поняла, что он закрывает мне путь назад.

— Вам помочь донести? — спросил сотрудник.

— Нет-нет. Спасибо. Я умею перемещать текстиль.

Это было неоправданно смелое заявление.

Я развернулась, сделала два шага и наступила на завязку.

Коврик остановился. Я — не сразу.

Произошло короткое перетягивание человека с предметом. Человек проиграл первым, но предмет тоже не смог насладиться победой: я успела ухватить его ближе к середине, он развернулся и раскрылся перед ближайшим столом, как парус.

Один бокал опасно наклонился.

Я подхватила его свободной рукой.

В зале раздался общий вдох.

Бокал уцелел. Вода осталась внутри. Даже стол не пострадал.

Только я стояла посреди вечера, прижимая к себе полу-раскрытый коврик и чужой бокал, и выглядела как человек, которому только что доверили возглавить эвакуацию из прачечной.

— Извините, — сказала я владельцу бокала.

Он забрал воду и кивнул. Наверное, ещё не понял, почему жив.

Тесса быстро подошла.

— Всё хорошо?

— Да. Я показываю второй способ использования. Ловить стекло.

Кто-то засмеялся.

Смех был добрый. Я различала такие вещи. За годы позора у меня сформировалась отдельная квалификация.

Сотрудник всё-таки взял у меня коврик, подтянул завязки и свернул его заново. Я уже не сопротивлялась. На свете существуют моменты, когда достойно принять помощь легче, чем достойно погибнуть из принципа.

Вернувшись к столу, я обнаружила, что Дженни прижала салфетку к губам.

— Ты смеёшься? — спросила я.

Она покачала головой.

В её глазах стояли слёзы.

— Я нервничаю.

— Очень весело нервничаешь.

Вивьен подвинула свой стул, освобождая мне место.

— Зато бокал спасён. Большинство людей в такой ситуации выбирают себя.

— Я не успела выбрать. Руки опять сделали карьеру без головы.

Тристан поставил свёрток возле моей сумки так, чтобы завязки не торчали в проход.

Оуэн улыбнулся:

— Хороший подарок. Пригодится на пляже.

— Да. Если море согласится не двигаться резко.

Я села и почувствовала, что краснею. Не от стыда даже. От того напряжения, которое возникает, когда все смотрят, а потом вдруг перестают.

Дженни под столом сжала мои пальцы.

Очень коротко.

Я ответила тем же.

Ложь ещё находилась между нами, но за ней оставалась подруга. Это стоило помнить хотя бы до десерта.

Розыгрыш закончился. Тесса поблагодарила мастерские, музыканты заиграли чуть громче, и люди снова начали разговаривать.

— Это ваша первая поездка вместе? — спросила Вивьен.

— На такой курорт — да, — ответила Дженни.

— Мы тренируемся, — добавила я. — Она уже умеет выглядеть как гостья. Я пока освоила транспортировку коврика.

— Давно дружите?

— С детства.

— Это заметно.

Я хотела спросить, что именно заметно: привычка ловить друг друга или то, что Дженни знает, где у меня находится кнопка молчания. Но Вивьен уже повернулась к официанту.

На стол поставили десерт.

Он выглядел как очень маленькое архитектурное сооружение. Крем, тонкая пластинка шоколада, несколько ягод. Я

решила начать с фундамента, пока остальное не обрушилось.

— У вас завтра какие планы? — спросил Тристан.

— Старый город, — сказала Дженни. — Если не станет слишком жарко.

— Тогда могу назвать мастерскую, про которую говорил. «Белая арка». Держит её мастер по имени Беатрис. Она знает почти все старые украшения, которые связаны с островом.

Я перестала жевать.

Не потому, что название оказалось тайным знаком. Просто впервые за вечер кто-то произнёс фразу, за которой действительно могло находиться что-нибудь полезное.

— Старые украшения? — переспросила Дженни.

— Местная работа. Семейные вещи, подарки приезжих мастеров. У них удивительная память на ремонты. Иногда история начинается не с владельца, а с женщины, которая тридцать лет назад принесла починить застёжку.

— Вы там бываете?

— Когда нужно уточнить что-то по предмету. Или купить подарок человеку, которого не хочется обидеть безвкусицей.

— Вам помогут, если просто зайти? — спросила я.

— Скорее всего. Если не начать с требования оценить серьги бесплатно за три минуты.

— У меня нет таких серьг. И три минуты обычно заканчиваются раньше, чем я объясню, что хочу.

Тристан достал телефон, показал название на карте, потом предложил прислать адрес.

Дженни обменялась с ним контактами.

Это было открытое знакомство. Никаких чужих паролей, хитрых окон и притворных работников отеля. Просто человек, который знал другой адрес. Я вдруг почувствовала, насколько устала ждать, что каждое полезное действие обязательно должно быть опасным.

— А «Синяя ласточка» местная? — спросила Дженни.

Тристан посмотрел в сторону стола Клаудии.

— Часть её истории связана с островом. Но лучше спросить владелицу, что она считает возможным рассказывать. Не все старые вещи принадлежат публике только потому, что их показали за ужином.

Дженни кивнула.

Я тоже.

Ответ мне понравился. Он ничего не дал сразу, зато не обещал больше, чем человек был готов сказать.

Оуэн повернулся к Вивьен и заговорил о доме, который она собиралась сдавать на лето. Я получила передышку и съела половину десерта. Потом оставшуюся половину, чтобы передышка не выглядела незавершённой.

На террасу вышел Эдриан Хейл.

Он был в том же аккуратном сером костюме, но казался усталее, чем утром. Поговорил с Тессой, остановился возле Клаудии. Далия подошла к нему и что-то спросила. Он ответил коротко и указал в сторону холла.

Далия не пошла туда. Осталась у двери, проверила теле-

фон.

Мне опять захотелось придать этому значение.

Я взяла хлеб.

— Ты ещё голодна? — удивилась Дженни.

— Нет. Я занимаю руки.

Она проследила за моим взглядом.

— Пэм.

— Я ничего не делаю.

— Я вижу.

— Тогда почему таким голосом?

— Потому что ты сейчас начнёшь извиняться за то, что смотришь.

Я откусила хлеб. Она была права. Иногда близкая подруга — это неприятная камера, которую нельзя попросить выключить.

Хейл подошёл к нашему столу.

— Надеюсь, ужин вам нравится.

Вивьен сказала, что всё прекрасно. Оуэн похвалил программу. Тристан спросил про завтрашнюю небольшую встречу у фотографий. Хейл подтвердил, что открытая часть галереи будет доступна, а время Тесса сообщит отдельно.

Мне он адресовал обычный вежливый взгляд.

Я ответила таким же. Получилось почти одновременно, как у двух людей, договорившихся не делать утро центром всей жизни.

— Подарок удалось пристроить? — спросил он.

— Да. Пока он сидит лучше меня.

Хейл улыбнулся и посмотрел на свёрток возле стула.

— Если нужно, сотрудник отнесёт его в ваш номер после ужина.

— Спасибо. Это очень кстати.

Я назвала номер. Он записал его на маленьком листке и передал подошедшему сотруднику.

Четыреста восемнадцать прозвучало просто как адрес. Не как место, откуда, возможно, вышла женщина в чужой истории.

Хейл задержался у другого стола, потом ушёл.

Оуэн проводил его взглядом.

— Тяжёлый день у человека.

— Да, — сказала Вивьен. — Давайте хотя бы не будем заставлять его думать о скатертях.

Мне захотелось обнять её. Я ограничилась тем, что положила нож правильно, хотя раньше он лежал как оружие моего общего недовольства.

Десертные тарелки унесли. Люди начали вставать, переходить к соседним столам, рассматривать фотографии. Вечер ещё не заканчивался, просто перестал требовать общей позы.

Дженни тоже поднялась.

— Я на минуту, — сказала она мне. — Нужно поправить волосы.

— Я с тобой.

— Пэм, не обязательно.

— Обязательно. Я могу потеряться между десертом и собственной головой.

Она не стала спорить.

Мы прошли через павильон. У микрофона Тесса складывала листы в стопку. Рядом две женщины обсуждали прогулку по саду. Нора несла пустую корзину от карточек, остановилась у дверей и пропустила нас.

— Хороший вечер, — сказала Дженни.

— Надеюсь, — ответила Нора. — Сегодня уже было достаточно переделок.

На её лице мелькнула усталость.

Я подумала, как легко принять уставшего человека за скрытного. Особенно если самой страшно.

В маленьком туалете возле холла пахло мылом и прохладной каменной плиткой. Никого больше не было. Дженни подошла к зеркалу, поправила прядь и встретила с моим отражением.

— Говори.

— Ты не представляешь интересы семьи.

— Я знаю.

— И не выбираешь вложения семейного капитала.

— Знаю.

— Это уже не «он сам решил».

Она опустила руки.

— Да.

От этого разговор стал сложнее.

— Тогда зачем? — спросила я.

— Потому что он перестал бы обсуждать со мной то, что обсуждает сейчас.

— Ты не знаешь.

— Не знаю. Но знаю, как люди слушают дочь владельца магазинов, которая объясняет, что сама пока ничего не открыла. Он бы дал мне пять советов, пожелал удачи и пошёл к Вивьен.

— Вивьен с тобой разговаривает и так.

— Да. И Клаудия. Но мне нужен не только приятный вечер. Оуэн знает Гранта. Тристан знает коллекцию. Если они будут считать, что я могу им пригодиться, они расскажут больше.

— А если попросят пригодиться?

Она выдержала мой взгляд.

— Я не собираюсь обещать деньги.

— Деньги — не единственное обещание.

Дженни отвернулась к крану, включила воду. Помыла руки медленнее, чем было нужно.

— Я не хочу опять сидеть и ждать, пока люди, которые уверенно говорят, решат, кто ты такая, — сказала она.

Я прислонилась к стене.

— Это не про меня сейчас.

Она выключила воду.

— Не только про тебя.

Вот это было честно.

Я увидела собственную подругу. Не богатую наследницу из программы, не помощницу, которая прикрывает меня грудью от несчастий. Девушку, которой надоело быть правильной настолько, что даже в чужой лжи она сидит сбоку и поправляет край салфетки.

Мне её было жаль. И я злилась. Оба чувства мешали друг другу найти удобное выражение.

— Ты можешь быть интересной без чужих полномочий,
— сказала я.

— Я знаю.

— Сейчас по тебе не очень заметно.

Она кивнула.

— Я сказала лишнее. И мне понравилось, как он отреагировал. Это тоже правда.

Я выдохнула.

Если бы признание лжи сразу отменяло ложь, жизнь была бы значительно дешевле. В том числе моя.

— Не делай из этого историю, которую потом придётся обслуживать, — сказала я. — Я умею. Очень плохая работа. Выходных нет.

— Хорошо.

— И скажи мне до того, как согласишься на что-нибудь.

— Скажу.

Мы посмотрели друг на друга. Соглашение было маленьким и ненадёжным, но пока другого не имелось.

Дженни взяла бумажное полотенце и промокнула пальцы.

— Ты сердишься?

— Да.

— Сильно?

— Достаточно, чтобы не отдавать тебе последнюю ягоду с моего десерта.

— Ты её уже съела.

— Я принимаю меры заранее.

Она улыбнулась. Осторожно.

Я тоже.

Перед выходом Дженни вытерла каплю воды у края раковины. Просто потому, что капля там была. Я заметила это и почему-то почувствовала ещё большую тревогу. Человек может продолжать делать всё маленькое правильно, пока большая ошибка уже идёт рядом с ним к двери.

В холле нас остановила Софи Белл.

Она сменила дневную белую юбку на платье с мелким рисунком и теперь держала в руках два стакана воды. Мужчина за её спиной разговаривал с сотрудником возле окна.

— Вы уже всё? — спросила она.

— Нет, — ответила Дженни. — Просто отошли.

— Мы решили посидеть немного в баре. Там прохладнее. Мужу позвонили по работе, и он опять знает больше про офис, чем про остров.

Софи сказала это без серьёзной обиды. Скорее с усталостью женщины, которая надеялась провести два дня с чело-

веком, а проводит их с его плечом и телефоном.

— Ужин хороший? — спросила она.

— Да, — сказала я. — Я выиграла коврик и почти открыла морское сообщение прямо между столами.

Софи засмеялась.

— Тогда мне жаль, что я не видела.

— Зато я рада. Мы уравнили мир.

Она спросила, узнала ли Нора что-нибудь про старое приглашение с десятью часами. Дженни ответила, что мы больше её не спрашивали.

— Мне пришло письмо, — сказала Софи. — Оказывается, изменение отправили ещё позавчера. Я его просто не открыла. Так что это моя прекрасная организация жизни.

Она показала экран. Короткое письмо, новая строка про половину одиннадцатого.

Я прочла только время и начало текста. Этого было достаточно, чтобы один маленький подозрительный уголок снова стал обычной человеческой забывчивостью.

— Значит, никакой тайны, — сказала Дженни.

— Только мой почтовый ящик. В нём можно спрятать целый остров, никто не заметит.

Софи улыбнулась и ушла к мужу.

Мы остались у двери павильона.

— Видишь, — сказала я. — Иногда бумажка просто старая.

— Вижу.

Она сказала это спокойно. Не разочарованно. И я была ей за это благодарна.

В павильоне стало свободнее. Часть гостей ушла на террасу, другие собрались возле фотографий берега до и после ремонта.

Дженни остановилась у снимка небольшой мастерской.

— Смотри, — сказала она. — Они делали детали для перил.

— Это те, у которых коврик?

— Нет. Другие.

Я посмотрела подпись.

Название было обычным, имена тоже. За каждой фотографией находилась работа, которую я не могла сделать красиво и не могла получить без усилий. Это странным образом отрезвляло. Пока мы занимались людьми с конвертами, кто-то пилил дерево, проверял крепления и собирал деньги на ступени.

У стены стояла Вивьен. Она разговаривала с Тристаном, держа чашку кофе на маленьком блюде. Увидев нас, махнула рукой.

— Идите сюда. Мы спорим про завтрашнее утро.

— Я за позднее, — сказала я.

— Уже голос в мою пользу. Тристан предлагает встречаться до жары, а я считаю, что жара обязана подождать моего кофе.

— Я предлагаю полдень в доме, — уточнил Тристан. —

Там прохладно.

— Вот. Видите, как он описывает собственную жестокость?

Вивьен улыбнулась Дженни.

— Я сняла здесь небольшой дом на несколько недель. Завтра будут двое знакомых, ничего официального. Приезжайте на кофе, если не слишком устали от разговоров. Тристан покажет несколько фотографий и привезёт маленькие вещи, которые можно спокойно рассматривать без толпы вокруг.

Дженни посмотрела на меня.

В этом взгляде было сразу всё: интерес, вопрос, напоминание о нашем разговоре и просьба не лишать её вечера одним словом.

— Мы собирались утром в старый город, — сказала она. — Если успеем вернуться, с удовольствием.

— Дом по дороге назад. Не придётся возвращаться в отель, — ответила Вивьен. — Я пришлю адрес. И, пожалуйста, без обязательств. Мне просто хочется людей, которые умеют разговаривать не только о цене террасы.

— Я могу о цене обеда, — предложила я.

— Это уже разнообразие.

Она протянула телефон Дженни, чтобы обменяться контактами. Я не возражала. Кофе в гостях не являлся преступлением. Даже если приглашение было получено девушкой, которая десять минут назад приписала себе возможности целой семьи.

Но Вивьен пригласила и меня. А я пока представляла только интересы собственного желудка.

— Вы тоже ищете вещи для собрания? — спросил Тристан у Дженни.

— Пока больше смотрю, чем ищу.

— Это хороший этап. Многие пропускают его и потом пытаются сделать вид, что давно хотели именно то, что купили.

— Мне нравится, когда у вещи есть история, — сказала она.

— Только пусть история будет проверяемой. Красивых хватает на любую полку.

Он достал из кармана сложенную программу и показал Вивьен оборот. Она прищурилась.

— Я же говорила, что там ошибка.

— Да, вы были правы. Сотруднику уже передал.

— В чём? — спросила Дженни.

— В подписи к фотографии, — ответил Тристан. — Один из мастеров работал с деревом, а ему приписали металл. Это не страшно для ужина, но сам мастер заметит.

Вивьен посмотрела на него с одобрением.

— Именно поэтому я люблю, когда он приносит вещи лично. Он способен отменить целый разговор ради одного неправильного года.

Тристан пожал плечами.

— Если год неправильный, разговор потом обычно дороже.

К нам подошёл Оуэн.

— Вот вы где. Меня снова оставили обсуждать ремонт.

— Не вижу признаков насилия, — сказала Вивьен.

— Я слишком вежлив, чтобы сопротивляться.

— Значит, нам придётся быть менее вежливыми за вас.

Она предложила выйти в небольшой боковой двор. Там стояли кресла и несколько низких столиков. Я уже видела этот двор днём с общественной дорожки: стена, фонтан, растения в больших горшках. До ресторанной террасы было несколько шагов, до закрытого участка галереи — совсем другая дверь, возле которой сейчас стоял сотрудник.

Я посмотрела на проход.

Вивьен заметила.

— Там тихо. Но если не хочется, можем остаться здесь.

— Хочется, — ответила я. — Просто сегодня всё время уточняю, куда можно.

— Сотрудник сам предложил. Столы открыты для гостей.

Я кивнула.

Было неловко, что мне потребовалось такое объяснение. Но гораздо неловче было бы объяснять потом, почему я оказалась там, где не должна.

Мы вышли обычным проходом с террасы. Дверь не требовала ключа. Никто не приглашал нас идти через служебный коридор. У фонтана стоял сотрудник с подносом, наливал кофе желающим и не делал из этого секретной церемонии.

Я выбрала кресло с широкими подлокотниками. Вивьен

села напротив, Дженни рядом со мной. Оуэн и Тристан устроились на небольшой скамье.

Вода в фонтане журчала негромко. Одно растение дрожало от ветра, остальные выглядели слишком важными, чтобы участвовать.

Я всё-таки посмотрела в сторону большого горшка у входа в закрытый проход. Отсюда он казался обычным. Широкие листья, тёмная глина, небольшая мокрая полоска у основания.

Утром растение скрывало лицо женщины на записи.

Сейчас скрывало край стены.

Я перевела взгляд на чашку.

Кофе был горячим. Это стало наиболее полезной информацией на ближайшую минуту.

— Вивьен рассказала о завтрашней встрече? — спросил Оуэн у Дженни.

— Да.

— Хорошо. Там будет человек, который знает владельцев того клуба. Не придётся слушать мои пересказы.

— Но я не собираюсь завтра обсуждать решения, — сказала она.

Я подняла на неё глаза.

— Разумеется, — ответил Оуэн. — Просто знакомство.

Вивьен поставила блюдце на столик.

— У меня дома нельзя продавать проект раньше второй чашки кофе. Правило для защиты гостей.

— А после второй? — спросила я.

— Можно попросить ещё кофе.

Мне нравилось это правило. Оно хотя бы имело понятную пользу.

В павильоне кто-то засмеялся. Из открытой двери долетел голос Тессы, затем короткая музыкальная фраза. Ужин продолжался, но мы оказались в тихом кармане вечера.

Дженни спросила Тристана, всегда ли он привозит вещи лично. Он ответил, что не всегда; зависит от предмета и расстояния. Иногда достаточно фотографий, иногда нужна встреча, иногда главная работа — убедить человека не отправлять хрупкую вещь в коробке от обуви.

— Вы знаете местных перевозчиков? — спросил Оуэн.

— Нескольких. С большинством проще работать через помощников. Но на острове выбор небольшой.

— Грант как раз говорил, что ему пришлось менять договорённость.

— Слишком много менял сегодня, — сказал Тристан. — Хорошо, что хоть до приезда машины.

Я подняла чашку, но не отпила.

Дженни не двинулась. Только стала слушать внимательно.

— Из-за утреннего случая? — спросил Оуэн.

— Не знаю. Отмена пришла рано. Я ещё не успел узнать, что произошло.

Это было сказано буднично. Не как признание, не как под-

сказка людям, которые ищут ответ. Тристан смотрел на кофе и, кажется, просто вспоминал неприятную мелочь собственного утра.

— Он отменил машину? — спросила Дженни.

— Нет. Просил вчера контакт человека, который может организовать отправку небольшого предмета из частного собрания. Без срочности. Я дал номер, потом переслал предварительную карточку заказа, чтобы уточнили условия напрямую. Сегодня утром попросил закрыть заявку. Сказал, владелец изменил планы.

У меня между лопатками стало прохладно, хотя вечер был тёплым.

— Чей предмет? — спросила я.

Тристан посмотрел на меня.

— В заявке не было имени владельца. И названия вещи тоже. Такие карточки нужны до подробностей: маршрут, примерный размер, день. Грант дальше должен был обсуждать сам.

— То есть это могло быть что угодно, — сказала Дженни.

— Да. Для маленькой вещи. Не картина. Но не обязательно украшение.

Я поставила чашку на стол.

— А рано — это когда?

Оуэн чуть повернулся ко мне. Вивьен перестала размешивать кофе.

Я услышала свой голос и поняла, как он звучит. Уже не

человек за ужином. Человек с утра, которое никак не заканчивается.

Тристан не ответил сразу.

— Пэм, — тихо сказала Дженни.

— Я не прошу рассказать чужие документы. Просто уточнила время.

Он посмотрел на нас обеих, потом достал телефон.

— Девять ноль две. По сообщению. Но, повторю, я не знаю, связано ли это с тем, что случилось в отеле.

Девять ноль две.

На записи женщина появилась в девять четырнадцать. А заявление о пропаже сделали позднее. Конечно, Грант мог отменить что-нибудь совершенно другое. Конечно, владелец мог передумать в восемь, семь или вчера вечером. Я понимала все эти «конечно». Они стояли вокруг новой цифры, как люди вокруг человека, которому стало плохо.

Но цифра уже была.

— Спасибо, — сказала я.

Оуэн отставил чашку.

— Вы думаете, речь о коллекции Клаудии?

— Я не знаю.

Это был единственный честный ответ.

И его оказалось труднее произнести, чем любой другой.

Вивьен посмотрела на меня. Без подозрения, скорее с осторожным интересом.

— Вы знаете что-то про случившееся?

Я почувствовала, как Дженни рядом со мной перестала дышать.

Можно было сказать нет. Сделать вид, что вопрос случайный. Отшутиться про любовь к расписаниям, из которой всю мою жизнь нельзя было выжать ни одной приличной минуты.

Я не стала.

— Меня сегодня спрашивали, — сказала я. — В связи с женщиной на записи. Она, по мнению некоторых, похожа на меня.

Оуэн моргнул.

Тристан опустил телефон.

— Вы?

— Да. Но это не я. И я не могу рассказать вам больше, чем действительно знаю. Поэтому спрашиваю про вещи, которые, возможно, вообще не относятся к делу.

Вивьен кивнула очень медленно.

— Понятно.

Не «ужасно». Не «какая нелепость». Не «я сразу поняла, что вы не способны». Просто понятно. И от этого я не почувствовала себя ни обвинённой, ни оправданной по дружбе.

— Я ничего не знал, — сказал Оуэн.

— Вам и не обязательно было знать.

— Грант не говорил.

Я посмотрела на него. Утром мне казалось, что этот человек готов рассказать о моём лице всем, у кого есть уши.

Возможно, ему просто не позволили. Возможно, он не стал. Это тоже ещё требовалось оставить неизвестным.

Тристан убрал телефон.

— Если инспектору понадобится, я покажу сообщение. Но это обычная отмена предварительной заявки. Без оплаты, без отправленного предмета, без подтверждённого владельца.

— Именно это и нужно сказать, — ответила я. — Не больше.

Я вдруг услышала в собственных словах Фэйт. Мне бы следовало отправить ей небольшой процент за влияние на мою речь.

— Хотите, я дам контакт? — спросил Тристан.

— Лучше я передам ваш. Если вы не против.

— Не против.

— Спасибо.

Дженни достала телефон.

— У меня есть его номер.

— Да, — сказала я. — Я запишу.

Никто не потребовал объяснить, как я попала в такую историю. Но разговор изменился. Нельзя рассказать людям, что полиция спрашивает тебя о краже, а потом сразу снова обсуждать, сколько чашек кофе разрешено до покупки проекта.

Вивьен вместо этого подвинула ко мне блюдо с печеньем.

— Кофе остывает.

Я посмотрела на неё.

— Да.

— А холодный здесь невкусный. Я проверяла.

Я взяла печенье. Не потому, что была голодна. Потому, что иногда обычное предложение — единственный способ не начать защищаться ещё раз.

Дженни выпила воду. Её ладонь всё ещё лежала на краю кресла рядом с моей, но она больше не пыталась отвечать за меня.

Это было правильно. И неприятно. Я привыкла, что в трудные минуты мы закрываем друг друга быстрее, чем успеваем понять, от чего.

Из павильона вышла Далия.

Она несла две пустые чашки и остановилась, увидев нашу компанию. Вивьен попросила воды. Далия сказала, что сейчас позовёт сотрудника.

— Вы не должны всё носить сами, — заметила Вивьен.

— Я просто шла мимо.

— Это самый опасный способ начать работать вечером.

Далия улыбнулась, но усталость уже занимала почти всё её лицо.

Она ушла к столу с напитками.

Тристан посмотрел ей вслед.

— Клаудии повезло с помощницей. Половину мелких вопросов снимает до того, как они становятся большими.

— Она давно с ней? — спросила Дженни.

— Не знаю точно. Я видел её несколько раз. В коллекционных документах не разбирается так, как Клаудия, зато помнит всё, что кому нужно на встрече.

Оуэн кивнул.

— Организаторам такие люди нужнее, чем ещё один человек с мнением.

Я подумала о Далии, которая весь день приносила бумаги, исправляла фамилии и отвечала на сообщения. О том, как мало мы знаем про людей, чья задача — сделать так, чтобы остальные не замечали работы.

И снова — не вывод. Просто мысль.

Далия вернулась не сама, а с сотрудником. Тот поставил воду, спросил, нужен ли ещё кофе. Я отказалась. Внутри у меня и без кофе всё двигалось слишком быстро.

Вивьен поднялась первой.

— Я пойду попрощаюсь с Клаудией. Завтра пришлю адрес. Пожалуйста, приезжайте, если захотите.

Последняя фраза была адресована нам обоим.

Я поблагодарила.

Она не отменила приглашение после моего признания. Я понимала, что это ещё ничего не доказывает. Но всё равно почувствовала, как чуть ослабло тяжёлое место под рёбрами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.